

16+

ISSN 2310-5453

№2(3)

2014

АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки

Информационно-научное издание

Учредитель

ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова»

Главный редактор

Михаил Присяжный

Редактор выпуска

Виктория Михайлова

Редакционная коллегия:

Варвара Белолобская (СВФУ, Россия)

Ольга Мельничук (СВФУ, Россия)

Виктория Михайлова (СВФУ, Россия)

Александр Петров (РГПУ им. ГерценРоссия)

Грэг Поэлзер (Университет Саскачевана, Канада)

Дженан Фергюсон (Университет Абердина, Шотландия)

Ответственный секретарь

В.Ю. Кузин

Технические секретари:

Д.И. Осипов, И.А. Матвеев

Адрес издателя, редакции:

677000, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58,

СВФУ, УЛК (учебно-лабораторный корпус), каб. 508.

sakhaarctic@gmail.com www.arcticjournal.s-vfu.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-54131 от 17 мая 2013 г.

© Северо-Восточный федеральный университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
------------------	---

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ЦИРКУМПОЛЯРНОГО МИРА

Замятин Д.Н. Сопространственность, территориальная идентичность и место: к пониманию политик постмодерна	4
Неустроева А.Б. Социально-экономическое положение молодежи в республике Саха (Якутия): социологический анализ	37
Гнатюк Г.А., Итегелова А.П. Население Республики Саха (Якутия) как фактор развития социальной инфраструктуры	49

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ЭТНОС

(Материалы международной научно-практической конференции
«Адаптация общества и человека в арктических регионах
в условиях изменения климата и глобализации», 25-26 ноября 2014 г., г. Якутск)

Винокурова У.А. Экософия культуры Арктики	59
Иванова-Унарова З.И. Наследие древней культуры юкагиров и инуитов в современном искусстве Арктики	63
Захарова А.Е. Нематериальное культурное наследие народа саха как объект сохранения в контексте евразийской интеграции	69
Коврова О.Д., Салгынова А.И. Социально-культурное проектирование как фактор устойчивого развития культуры села в арктической зоне Республики Саха (Якутия)	75
Бурцева Р.Х. Татьяна Федоровна Петрова-Бытова как теоретик и практик северного танца	79
Карасева Г.И. Роль театральных технологий в освоении традиционных культурных ценностей народов Республики Саха (Якутия)	84
Дегтярева В.Г. Современное мифотворчество как механизм сохранения традиционных ценностей народов Арктики	88

СОБЫТИЯ, ПРОЕКТЫ, ГРАНТЫ

Осипов Д.И. Курсы PhD Университета Арктики по добывающей промышленности в СВФУ (г. Нерюнгри)	93
Сведения об авторах	98

К ЧИТАТЕЛЮ

Представляем Вашему вниманию очередной номер журнала «Арктика. XXI век. Гуманитарные науки», который издается в рамках информационного проекта Северо-Восточного федерального университета «Новый мир Арктики». Данный проект призван освещать широкий круг вопросов, посвященных научным исследованиям Арктики.

Рубрика «Современные вопросы циркумполярного мира» открывается статьей известного российского географа и культуролога Замятина Д.Н. В статье с позиций гуманитарной географии рассматриваются вопросы пространственности и сопостранственности для становления территориальных идентичностей. Исследуется понятие и образ места через призму различного рода политик. Воображаемые и ментальные территории и пространства представляются как репрезентативные проекции территориальных идентичностей.

В статье социолога Неустроевой А.Б. приводится социологический анализ социально-экономического положения молодежи в Республике Саха (Якутия). На основе проведенного социологического исследования в 9 районах Якутии и в г. Якутске оценивается уровень и качество жизни молодых людей, выявляются доминирующие проблемы, ценностные ориентации и нравственные установки молодежи.

В рубрике также печатается статья географов Гнатюк Г.А, Итегеловой А.П. из Северо-Восточного федерального университета, в которой рассматриваются демографические факторы, влияющие на развитие сферы обслуживания в Республике Саха (Якутия).

В рубрику «Язык. Культура. Этнос» вошли материалы международной научно-практической конференции «Адаптация общества и человека в арктических регионах в условиях изменения климата и глобализации», которая проходила 25-26 ноября 2014 г. Организатором конференции, собравшей ведущих ученых-североведов из вузов России и зарубежных стран, является Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, в котором действует кафедра ЮНЕСКО с одноименным названием.

Информация о событиях, проектах и грантах по арктической тематике представлена материалом, посвященным аспирантской школе Университета Арктики. Школа организована в рамках сессии семинара «Холодные земли» кафедры североведения СВФУ и прошла на базе Технического института (филиала) СВФУ в г. Нерюнгри.

Главный редактор
Михаил Присяжный

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ЦИРКУМПОЛЯРНОГО МИРА

УДК 911:114

Д.Н. Замятин¹

¹ *Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Институт Наследия), главный научный сотрудник 119072, г. Москва, Берсеневская набережная, д. 20 metageogr@mail.ru*

СОПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ, ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МЕСТО: К ПОНИМАНИЮ ПОЛИТИК ПОСТМОДЕРНА

Выявляется значение пространственности и сопространственности для становления территориальных идентичностей различных иерархических уровней. Рассматривается проблематика Модерна и Постмодерна в связи с плавающими территориальными идентичностями, в контексте воображаемых и виртуальных пространств. Исследуется понятие и образ места через призму различного рода политик. Воображаемые и ментальные территории и пространства представляются как репрезентативные проекции территориальных идентичностей. Ставится вопрос о геофилософиях локальных цивилизаций и становлении особых метагеографий.

Ключевые слова: пространственность, сопространственность, идентичность, территориальная идентичность, образ места, цивилизация, метагеография.

D.N. Zamyatin¹

¹ *D.S. Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage (Institute of Heritage), Chief Researcher 119072, Moscow, 20 Bersenevskaya Emb. metageogr@mail.ru*

CO-SPATIALITY, TERRITIRIAL IDENTITY AND PLACE: TOWARDS UNDERSTANDING OF THE POLITICS OF POSTMODERNITY

The significance of spatiality and co-spatiality for territorial identities of different hierarchic levels becoming is revel. The Modern and Post-Modern problems on contexts for 'swimming' territorial identities, imagining and virtual spaces, are

consider. The concept and image of place across the different politics prism are research. The imagining and mental spaces as territorial identities projections are represented. The question about local civilizations geo-philosophies and meta-geographies is put.

Key words: spatiality, co-spatiality, identity, territorial identity, image of place, civilization, meta-geography.

Пространство и цивилизация: к проблеме генезиса спациализма

Есть, по крайней мере, несколько сквозных содержательных тем, как бы прошивающих всю “ткань” концептуальных представлений о взаимодействии географического пространства и цивилизаций. Среди них можно выделить темы локального знания (локальных знаний)¹, феноменологии культурных ландшафтов², адаптации представителей какой-либо цивилизации в чуждом им культурно-географическом пространстве или же в культурно-географическом пространстве, которое в ментальном плане необходимо освоить, «обжить», либо «присвоить» (проблема локальной цивилизационной идентичности в широком смысле³). В каждой из описанных парадигм эти темы, в той или иной степени, могут быть изучены и репрезентированы; другое дело, что сам характер интерпретации тем, а также полученные результаты могут до-

¹ Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с франц. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996; Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с франц. под ред. и с примеч. Вяч. Вс. Иванова; Отв. ред. Н.А. Бутинов и Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1985; Он же. Печальные тропики. Львов: Инициатива; М.: АСТ, 1999; Он же. Путь масок. М.: Республика, 2000; Он же. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994; Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982; Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001; Он же. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005; Гирц К. Интерпретация культуры. М.: РОССПЭН, 2004; Geertz C. Local knowledge. New York: Basic Books, 1983.

² Степун Ф.А. Сочинения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 804—807; Муратов П.П. Образы Италии. Т. I—III. М.: Галарт, 1993—1994; Он же. Ночные мысли. М.: Прогресс, 2000; Фор Э. Дух форм. СПб.: Machina; Аxioma, 2002; Ортега-и-Гассет Х. Камень и небо. М.: Грант, 2000; Эйзенштейн С.М. Неравнодушная природа. Т. 1—2. М.: Эйзенштейн-Центр, Музей кино, 2004, 2006; Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 191—205; Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии / Авт. предисл. С.В. Федулов. М.: Прогресс, 1990; Подорога В. А. Выражение и смысл: Ландшафтные миры философии. М.: «Ad Marginem», 1995; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003; Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001; Лавренова О.А. Культурный ландшафт: семантика культурно-географических взаимодействий // Известия РАН. Серия географическая. 2003. № 3. С. 114—121; Foucault M. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972—1977 / Ed. by G. Gordon. Brighton, Sussex: Harvester Press, 1980. P. 63—77; Tuan Yi-Fu. Space and place: The perspective of experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977; Soja E.W. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social theory. London: Verso, 1990; Schama S. Landscape and Memory. New York: Vintage Books, 1996; Jackson J.B. Landscape in Sight: Looking at America / Ed. by H.L. Horowitz. New Haven and London: Yale University Press, 1997; Imperial Cities: Landscape, Display and Identity / Ed. by F. Driver and D. Gilbert. Manchester: Manchester University Press, 1999; Tuan Yi-Fu Perceptual & Cultural Geography // Annals of the Association of American Geographers. 2003. Vol. 93. No. 4. P. 878—881 и др.

³ См., например: Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. Проблема «Запад—Россия—Восток» в философском наследии П.Я. Чаадаева // Восток—Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 3. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1988. С. 110—143; Барабанов Е.В. Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 102—116; Гройс Б. Поиск русской национальной идентичности // Там же. 1992. № 1. С. 52—60; Он же. Россия как подсознание Запада (1989) // Он же. Искусство утопии. М.: Художественный журнал, 2003. С. 150—168; Щукин В.Г. Культурный мир русского западника // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 74—87; Мильдон В.И. «Земля» и «Небо» исторического сознания // Там же. С. 87—100; Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М.: РОССПЭН, 2001; Рашковский Е. Б. Профессия — историограф. Материалы к истории российской мысли и культуры XX столетия. Новосибирск, 2001; Он же. Осознанная свобода: Материалы к истории мысли и культуры XVIII—XX столетий. М., 2005; Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1992—2006. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007; Фишман О.Л. Китай в Европе: миф и реальность (XIII—XVIII вв.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003; см. также: Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1998.

вольно сильно различаться – в том числе и потому, что сами исследователи могут относиться к различным локальным цивилизациям с их специфическими культурными, ментальными и научными традициями и установками⁴.

Вкратце попытаемся описать в разных методологических ракурсах постановки выделенных тем. Если проблематика локальных знаний достаточно уверенно формулируется и исследуется в рамках всех трёх геоцивилизационных подходов (в рамках геодетерминизма более “приземлённо”, с большей вероятностью на примерах материальной культуры; в рамках геопоссибилизма – с бóльшим акцентом на вероятность и методическую гибкость, вариативность самого характера локальных знаний; в пределах геоспациализма – в сторону большего внимания к цивилизационно-пространственному переносу и диффузии, а также к трансформациям самих локальных знаний в зависимости от географической динамики цивилизаций), то тема феноменологии культурных ландшафтов может интерпретироваться в разных методологических традициях столь отличным образом, что её видоизменения и теоретические постановки могут привести к взаимному культурному непониманию. Тем не менее, и здесь можно нащупать некий общий “нерв” темы, а именно роль и соотношение материальной и духовной культуры, артефактов и ментифактов, обыденных представлений и представлений “высокой” культуры в становлении конкретных культурных ландшафтов. Наконец, проблематика культурного и цивилизационного наследия, вполне корректно артикулируемая во всех методологических подходах, оказывается наиболее эффективной в своих теоретической и прикладной постановках как раз в рамках динамически и расширенной понимаемой феноменологии культурных ландшафтов, вбирающей в себя актуальные на данный момент когнитивные достижения и геодетерминизма, и геопоссибилизма, и геоспациализма.

Тема цивилизационной локальной идентичности оказывается на поверку наиболее многогранной, наиболее объёмной, поскольку глубоко затрагивает онтологическую суть описанных ранее методологических дискурсов. Проблематика свой/чужой (инвариант оппозиции цивилизация/варварство) всегда актуализируется принадлежностью к месту, территории, ландшафту; эта принадлежность может маркироваться по-разному и различными способами в зависимости от конкретной культуры и цивилизации. Понимая, что само понятие цивилизации есть безусловный научный и идеологический конструкт, оказавшийся достаточно эффективным в определённую историческую эпоху, можно предположить, что понятие локальной идентичности как бы увеличи-

---

⁴ См., например: Castree N. Commodity fetishism, geographical imaginations & imaginative geographies // Environment and Planning A. 2001. Vol. 33. P. 1519-1525.

вается посредством “цивилизационной лупы”, выходит на первый план благодаря широким возможностям пространственного представления и воображения цивилизационной идентичности.

Так или иначе, проблематика геопространства и геопространственного воображения принуждает, обязывает мыслить цивилизации образами, представлять их ключевыми образами, формирующими динамично меняющиеся, возрастающие в своём значении и уменьшающиеся цивилизации-образы, чья символика, семиотика, феноменология может в достаточно серьёзной степени опираться на онтологически понимаемый цивилизационный статус места, территории, ландшафта. Здесь геоспациализм фактически смыкается, “по спирали”, в идеологическом отношении с географическим детерминизмом, делая “полный поворот кругом”, и становясь, в известной мере, “образно-географическим детерминизмом”, в рамках которого локальные цивилизации практически полностью самоопределяются соответствующими системами специфических географических образов. Цивилизации-образы, будучи в своём ментальном генезисе пространственно расширяющимися, “выталкивают наверх”, в актуальное дискурсивное поле проблематику пространственного воображения и пространственной (локальной, региональной) идентичности⁵; в свою очередь, пространственное воображение “цивилизуется”, активно работая в границах задаваемых концептом цивилизации идеологических, культурных и научных форматах.

Геоспациализм: возникновение и развитие

Предпосылки к формированию той научной парадигмы, которую можно назвать геоспациализмом, начали возникать и развиваться в последней четверти XX – начале XXI в. По всей видимости, понятия постмодерна и глобализации являются необходимыми коррелятами понятия *геоспациализма*, од-

---

⁵ См.: Вирт Л. Локализм, регионализм и централизация // Логос. 2003. № 6. С. 53—67; Роккан С., Урвин Д.В. Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму // Там же. С. 117—133; Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004; Атиас Ж.-К., Бенбасса Э. Вымышленный Израиль. М.: Изд-во «ЛОРИ», 2002; Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России (материалы семинара). М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999; Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6. С. 67—117; Крылов М. Структурный анализ российского пространства: культурные регионы и местное самосознание // Культурная география / Науч. ред. Ю.А. Веденин, Р.Ф. Туровский. М.: Институт Наследия, 2001. С. 143—171; Он же. Теоретические проблемы региональной идентичности в Европейской России // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып.1. М.: Ин-т Наследия, 2004. С.154—165; Он же. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. 2005. №3. С. 13—23; Кувенева Т.Н., Манаков А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. 2003. №7. С. 77—89; Сверкунова Н.В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб.: НИИ химии СПбГУ, 2002; Возвращённые имена: идентичность и культурный капитал переименованных городов России. Проектные материалы под ред. А.С. Макарычева. Нижний Новгород: IREX и «Профессионалы за сотрудничество», 2004; Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // The American Historical Review. 1991. Vol. 96. Number 3. P. 763—794; Geography and National Identity / Hooson D. (Ed.). Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994; Ayers E.L., Limerick P.N., Nissenbaum S., Onuf P.S. All Over the Map: Rethinking American Regions. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1996; Ely C. This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia. Decal, Illinois: Northern Illinois University Press, 2002 и др.

нако геоспациализм понимается здесь одновременно и уже, и шире, нежели два первых, более устоявшиеся понятия. Применительно к рассматриваемой проблематике, в узком смысле, геоспациализм обозначает столь сильное и очевидное цивилизационное и культурное дистанцирование и опосредование понятий географического фактора и географического пространства, что, по сути дела, теряет смысл сам вопрос о роли географического фактора в генезисе и динамике цивилизаций – можно сказать, географическое пространство само по себе оказывается в некотором роде ментальным продуктом определённой цивилизации, оперирующей свойственными ей географическими образами⁶. Это не значит, что в рамках подобной парадигмы нельзя говорить об адаптации локальных цивилизаций к конкретным природно-климатическим условиям и географическому положению; речь, как правило, идёт о том, что всякая локальная цивилизация уже в своём генезисе невозможна без первоначальных и присущих только ей специфических пространственных представлений, в которых уже присутствуют “коды” такой адаптации.

В широком смысле под геоспациализмом понимается идеологический, цивилизационный, культурный переход к пространственным формам воспроизводства основных видов человеческой деятельности, причём и человеческое мышление само по себе начинает переходить к специфическим образам пространства, репрезентирующим и интерпретирующим внешне очевидные процессы развития культур и цивилизаций⁷. Начало этого перехода можно проследить, по крайней мере, с эпохи Возрождения; решительный поворот к развёртыванию основных форм и выражений геоспациализма можно отнести примерно к 1900-1930-м гг., когда резко активизировавшиеся процессы межполитической-географической и политико-идеологической дифференциации сочетались с концептуальными “взрывами” в науке, искусстве, литературе, философии, в ходе которых проблематика пространства и его интерпретации выходит на первый план⁸. Не углубляясь в подробное рассмотрение генезиса и содержания геоспациализма, взятого в широком смысле, стоит лишь отметить, что основные концептуальные членения современной географии и её

⁶ Замятин Д.Н. Геокультура: образ и его интерпретации // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 5—13; Он же. Геокультура и процессы межцивилизационной адаптации: стратегии репрезентации и интерпретации ключевых культурно-географических образов // Цивилизация. Восхождение и слом. Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. М.: Наука, 2003. С. 213—256; Ср.: Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006.

⁷ Ср. по аналогии вполне марксистский подход к проблематике воспроизводства пространства: Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991.

⁸ См., прежде всего: Флоренский П.А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль: 2000; Он же. Соч. в 2-х т. Т. 2. У водоразделов мысли. М.: Правда, 1990. С. 43—109; Он же. Иконостас: Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил, Русская книга, 1993. С. 283—307; Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002; Панофский Э. Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика. СПб.: Азбука-классика, 2004; Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Библихина. М.: «Ad Marginem», 1997; Генон Р. Избранные сочинения: Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. М.: «Беловодье», 2003. С. 32—39, 135—145; Он же. Символика креста. М.: Прогресс-Традиция, 2004; Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. СПб.: Наука, 2000; Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: «Медиум», 1996; Арто А. Театр и его двойник. М.: Мартис, 1993; Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Он же. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234—408; Он

дисциплинарная матрица как раз и начали “отвердевать” в первой половине XX в.⁹; в этом смысле можно говорить, что фундаментальная проблематика современной географии есть порождение решительного цивилизационного поворота к геоспациализму, и в то же время она может фиксироваться как одна из его существенных черт и проявлений.

Возвращаясь к вопросу о геоспациализме, взятом в узком смысле, применительно к контексту взаимодействия цивилизации и географического пространства, следует остановиться на трёх основных моментах. Первый из них формулируется как проблема методологических “ножниц”, связанная с содержательными и формальными различиями в репрезентации и интерпретации географических образов какой-либо цивилизации между внешним наблюдателем/исследователем (он может быть современником, но может жить и гораздо позже, в эпоху, когда данная цивилизация исчезла, перестав себя воспроизводить и оставив лишь материальные и ментальные следы и остатки своей деятельности) и представителями самой цивилизации или же материальными и духовными памятниками древней цивилизации, благодаря которым могут быть реконструированы её доминирующие географические образы¹⁰. В такой когнитивной ситуации можно говорить о транзитных, переходных географических образах гибридного характера, содержащих интерпретации географического пространства исчезнувшей или чужой цивилизации – так, как они возможны с точки зрения представителя другой цивилизации. В любом случае, в методологическом плане геоспациализм предполагает существование и развитие медиативных межцивилизационных пространств с гибкой ментальной структурой, позволяющей фиксировать, изучать и использовать одновременно географические представления, образы, символы различных культур и цивилизаций.

же. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986; Органика. Беспредметный мир природы в русском авангарде XX века. М.: Изд-во «РА», 2000 и др. В живописи это – возникновение и развитие кубизма, футуризма, супрематизма, конструктивизма; творчество Пикассо, Кандинского, Шагала, Малевича, Филонова, группы «Зор-вед» (М. Матюшин и его последователи). В музыке прежде всего – Шёнберг. В кино – творчество С. Эйзенштейна, Л. Бунюэля; в фотографии – творчество Э. Атже, А. Родченко; в архитектуре – произведения Ф.Л. Райта и К. Мельникова. В литературе – произведения Пруста, Кафки, Джойса, Платонова. Отдельного рассмотрения в контексте геоспациализма заслуживают такие социокультурные феномены, как русский авангард и сюрреализм. Естественно, что всех упомянуть здесь невозможно, я концентрирую внимание на наиболее важных явлениях и авторах в рамках данной темы.

⁹ См.: Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. М.: Прогресс, 1988. Примерно в это же время происходит теоретическое оформление хорологической концепции в географии, зародившейся в первой половине XIX века и ставшей одной из наиболее влиятельных географических концепций, начиная с 1920-х гг. до настоящего времени, см.: Риттер К. Идеи о сравнительном земледелии // Магазин земледелия и путешествий. Географический сборник, издаваемый Николаем Фроловым. Т. II. М., 1853. С. 353–556; Геттнер А. География. Ее история, сущность и методы. / Пер. с нем. Е.А. Торнеус; Под ред. Н. Баранского. Л.; М.: Гос. изд-во, 1930; Замятин Д.Н. Методологический анализ хорологической концепции в географии // Известия РАН. Серия географическая. 1999. № 5. С. 7–16.

¹⁰ См., например: Классический фэншуй: Введение в китайскую геомантию. СПб.: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2003; Гране М. Китайская мысль. М.: Республика, 2004; Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1984; Кэмпбелл Дж. Мифический образ. М.: АСТ, 2002; Кнабе Г.С. Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима // Культура Древнего Рима. Т. II. М.: Наука, 1985. 108–167; Топоров В.Н. Эней – человек судьбы. К «средиземноморской» персонологии. Ч. I. М.: Радикс, 1993; Ошеров С.А. Найти язык эпох (от архаического Рима до русского Серебряного века). М.: Граф, 2001; Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света а архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999; Он же. Символы четырех евангелистов: Их происхождение и значение. М.: Языки русской культуры, 2000 и др.

Второй момент следующий: в рамках геоспациализма всякая локальная цивилизация мыслится как пространственно расширяющаяся – причем даже не только и не столько политически (хотя это происходит часто ¹¹), сколько экономически и культурно, когда образцы и стереотипы определённого цивилизационного поведения, конкретные цивилизационные установки (часто опирающиеся на сакральные представления и господствующую религию) постепенно выходят за границы своего первоначального распространения (цивилизационного ядра) и, приобретая различные модификации, начинают проникать в переходные межцивилизационные зоны (зачастую “переформатируя” их), а иногда и в сферы традиционного культурного влияния других локальных цивилизаций¹². Этот процесс может управляться и контролироваться лишь частично, поскольку ментальные продукты самостоятельной, сформировавшейся цивилизации обладают, как правило, определённой пространственной синергией – они могут быть потенциально востребованы в каком-либо регионе, территории, испытывающих своего рода культурно-цивилизационный “дефицит” или цивилизационный “голод”. Так или иначе, локальные цивилизации потенциально чаще всего тяготеют к пространственной экспансии (несмотря на возможные периоды и эпохи сознательной политической изоляции – как, например, Япония в эпоху Токугава – тем более что такая изоляция по разным обстоятельствам никогда не может быть полной ¹³), причём подобная экспансия может быть выражена соответствующими географическими образами, как бы упаковываемыми, представляющими и продвигающими исходную цивилизацию на её новые пространственные рубежи.

Третий момент акцентирует наше внимание на проблеме геопропространственной относительности локальных цивилизаций. В рамках геоспациализма пространство любой цивилизации может быть адекватно представлено не столько традиционно-картографически, сколько образно-географически, то есть с помощью целевых системных срезов-построений ключевых цивилизационно-географических образов (образно-географических карт¹⁴), которые также, в свою очередь, могут быть представлены как пространственные конфигурации. Такая ментальная многомерная “картография” предполагает фрактальный характер обычных, устоявшихся, традиционных цивилизацион-

¹¹ См. классические образцы подобного «геомессианства» на примере США: История США. Хрестоматия. М.: Дрофа, 2005; один из наиболее ярких образцов: Шурц К. Предопределённая судьба (1893) // Там же. С. 116—129.

¹² Как правило, это очень ярко может отражаться в классических путевых записках и описаниях путешествий, когда путешественник в ходе своего путешествия попадает в совершенно иную культурную и цивилизационную среду. В качестве примера см.: Дарвин Ч. Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». Изд-е 3-е. М.: Мысль, 1975; Кюстин А. де. Россия в 1839 году. В 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. См. также очень интересную исследовательскую постановку: Холландер П. Политические пилигримы (путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе 1928—1978). СПб.: Лань, 2001.

¹³ См., например: Кин Д. Японцы открывают Европу. 1720—1830. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1972.

¹⁴ Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. С.118—140.

ных границ, часто совпадающих с политическими границами¹⁵; цивилизация в геоспациальном контексте – это, скорее, пространственный образ геопро-странства, выделяющего себя наиболее репрезентативными культурными, социальными, экономическими, политическими маркерами, говорящими внешнему наблюдателю об очевидной, наглядной специфике конкретного воображения¹⁶. Иначе говоря, всякое локальное воображение, представляющее себя устойчивыми сериями и системами пространственно сконструированных и построенных образов, может рассматриваться как самостоятельная цивилизация; воображение, включившее в себя пространственность как онтологическое основание, есть безусловная цивилизация. В качестве примера можно отметить, что европейская цивилизация, вне всякого сомнения, может репрезентироваться различного рода ментальными маркерами, чьи физико-географические координаты могут относиться к государственным территориям России, Аргентины или Японии.

**Проект Модерна и геоспациализм:
попытка идеологической интерпретации.
Понятие сопостранственности**

Идеологический распад проекта модерна (modernity) – начало этого процесса стало очевидным уже к 1910—1920-м годам – привёл к возникновению довольно хаотических, слабо упорядоченных по отношению к друг другу политических, социальных, экономических полей, в рамках которых отдельные автономные сетевые конструкции и взаимосвязи опирались в своём развитии на автохтонные знаково-символические иерархии и пограничные ментальные маркеры¹⁷. Такая идеологическая ситуация привела в промежуточном социокультурном итоге к ментальным провалам, “пустотам”, “трещинам”, существующим между отдельными, фактически игнорирующими друг друга идеологическими дискурсами, чьи границы означают чаще всего только естественное убывание их социокультурного воздействия и влияния в зависимости от мощности идеологических источников и количественных и

---

¹⁵ См.: Замятин Д.Н. Структура и динамика политико-географических образов современного мира // *Полития*. 2000. Осень. № 3 (17). С. 116–122; Он же. Географические образы мирового развития // *Общественные науки и современность*. 2001. № 1. С. 125—138; Он же. Геополитика образов и структурирование метапространства // *Политические исследования*. 2003. № 1. С. 82—103.

¹⁶ Ср.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. О борьбе образов см. также: Грузински С. Колонизация и война образов в колониальной и современной Мексике // *Международный журнал социальных наук*. 1993. № 1. Май. Америка: 1492—1992. Исторические пути и детерминанты развития в их многообразии. С. 65—85.

¹⁷ Ср., например, диаметрально идеологически противоположные дискурсы: Генон Р. Царство количества и знамения времени // Он же. Избранные сочинения: Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. М.: «Беловодье», 2003; Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. СПб.: Наука, 2000; Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: «Медиум», 1996. См. также: Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001; Смит Э.Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А.В. Смирнова и др.; общ. ред. А.В. Смирнова. М.: Праксис, 2004.

качественных характеристик аудитории (поля) данного дискурса, но не выход в пространство прямого или косвенного междискурсивного взаимодействия.

Прямым следствием подобной идеологической ситуации на протяжении всего XX века стало формирование множества воображаемых миров – со своими социокультурными нормами, правилами и дискурсивными образцами. Эти воображаемые миры-пространства первоначально развивались на базе традиционных представлений модерна – геокультурных, геополитических и геоэкономических¹⁸. Существенные онтологические противоречия между традиционной картиной мира модерна и множеством образов других социокультурных и ментальных пространств обнаружилось, обнажилось лишь к концу XX века, когда распалась искусственно поддерживавшаяся обеими противоборствующими сторонами биполярная политико-идеологическая система, дополнявшаяся образом стран Третьего мира (развивающихся стран).

Идеологический проект глобализации, который должен был заменить расшатанные устои мира модерна, оказался пока – к началу XXI века – не в состоянии “скрепить”, поддержать или же сохранить остатки единого, господствующего в большинстве региональных и локальных сообществ, дискурсивного пространства – несмотря на развитие таких мощных сопутствующих дискурсов и концепций, как постмодернизм, постколониализм и мультикультурализм, а также введение в социокультурные дискурсы глобализации понятия глокализации (Р. Робертсон). Основная когнитивная проблема проекта глобализации заключается в бессознательном (или же подсознательном) стремлении к достижению тех целей проекта модерна, которые – так или иначе – не были полностью достигнуты к началу XX века, хотя их достижение считалось в то время практически возможным, а социокультурные и экономические тенденции фиксировали наличие условий для их достижения (явление так называемой первоначальной глобализации конца XIX – начала XX века¹⁹). В связи с этим, некоторая архаичность проекта глобализации сказывается прежде всего в предположении о возможности социокультурной синхронизации развития совершенно различных пространств, регионов и территорий, которые, однако, конструируют, продуцируют свои, не связанные прямо с другими, образы и представления, распространяющиеся за пределы их собственных физико- и политико-географических границ²⁰.

Ментальная и образная множественность земных пространств может быть

¹⁸ Классическое исследование на эту тему: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

¹⁹ См.: Синцеров Л.М. Длинные волны глобальной интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 5. С. 56–64; Он же. Эпоха ранней глобализации в истории мирового хозяйства // Вестник исторической географии. Вып. 3. М.: ИГ РАН, 2005. С. 58–79.

²⁰ Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity / Ed. by A.D. King. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997.

представлена понятием сопространственности, впервые предложенным ещё немецким консерватором-романтиком Мартином Мюллером²¹. Это понятие было вытеснено понятием современности и прочно забыто. Идеологическая ситуация начала XXI века способствует возрождению этого понятия и его потенциально активному использованию в целях выявления возможных условий когнитивного построения взаимодействующих междискурсивных и межцивилизационных пространств.

Интерпретация образа сопространственности связана с идеей о множественности и уникальности самих времён, развивающихся как бы внутри отдельных воображаемых пространств – будь то пространство западной или буддийской цивилизаций, пространство межцивилизационного лимитрофа – например, Кавказа, – или же пространство какого-либо сетевого сообщества, физическое пребывание членов которого может фиксироваться совершенно различными точками/координатами традиционного географического пространства. Отдельные времена могут не сходиться и даже расходиться – как это происходит с временами западной и исламской цивилизаций; признание подобного феномена должно быть исходным топосом для ментального или социокультурного окончания проекта модерна и также – для конструирования нового идеологического проекта, ориентирующегося не на со-временность, но на со-пространственность. Именно переплетающаяся и взаимопроникающая сопространственность западной и исламской цивилизаций показывает всю анти-современность, не-современность или а-современность взаимодействия этих цивилизационных дискурсов, сохраняющих глубокие ментальные следы их сакрально-религиозных оснований.

Возможные решения охарактеризованной здесь проблемы могут быть найдены или быть сформулированы в рамках *геоспациализма* – методологического подхода, предполагающего, что онтологические статусы пространственности и её образных репрезентаций являются неотъемлемой частью любой общественной или социокультурной феноменологии; иными словами, определённое видение и ощущение пространства локализуется в ментальном плане как “пучок” социокультурных образов, представляемых, как “реальность”.

Сам процесс идеологического перехода от проекта модерна к новому проекту можно было бы назвать спациалистским, или геоспациалистским²². Суть данного перехода – в автоматическом и спонтанном столкновении различных в онтологическом плане дискурсов, работающих и развивающихся в совершенно различных ци-

²¹ Ионин Л.Г. Социология культуры: Путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000.

²² Не путать с понятием спациализма (направление в искусстве XX века) – Д.З.

²³ Ср.: Барт Р. Империя знаков. М.: Праксис, 2004; Soja E.W. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social theory. London: Verso, 1990; Надточий Э. Метафизика «чмока» // Параллели (Россия – Восток – Запад). Альманах философской компаративистики. Вып. 2. М.: Философ. об-во СССР; Институт философии РАН, 1991. С. 93–102; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003; Todorova M. Imagining the Balkans. New York: Oxford University Press, 1997; Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004; Филиппов А.Ф. Пространство политических событий // Политические исследования. 2005. № 1; Он же. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2007; также: Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на

визационных и социокультурных временах. Эти идеологические столкновения ведут к неконтролируемому никем из каких-либо значимых социокультурных и политических акторов/групп/сообществ расширению самого дискурсивного пространства, становящегося полем активных сосуществующих воображений, чьи источники располагают автономными временами, а в пространственном отношении являются попросту размытыми или “размазанными” в силу изначально сетевых конструкций подобных пространств²³.

Спациалистский проект – используя когнитивные возможности постмодернизма и постструктурализма – является, на самом деле, (гео)спациалистским идеологическим проектом. Это означает, что традиционное географическое пространство в том виде, в каком оно было сформировано и “упаковано” модерном, используется как бы не по назначению – в совершенно конкретных политических, экономических и социальных целях – а лишь как метагеографический образ, позволяющий разрабатывать всевозможные сочетания и сосуществования различных уникальных дискурсов и представлений, чья локализация является очевидным вопросом в рамках проекта модерна. Иначе говоря, любое земное местоположение (актора, группы, сообщества) в рамках (гео)спациализма подвергается когнитивному сомнению, поскольку определённый оригинальный или даже вторичный дискурс сразу же создает ситуацию сопостранственности, нахождения как бы в нескольких пространствах – с точки зрения традиционных представлений модерна²⁴.

Воображаемые географии, становящиеся необходимыми для любых сколько-нибудь значимых и влиятельных в социокультурном и политическом планах дискурсов, являются и условием существования и поддержания образного империализма, который постепенно может быть трансформирован в своего рода когнитивное орудие или способ, средство ментального дистанцирования различных пространств для формирования метапространства – поля, где сопостранственные дискурсы как бы размещаются относительно друг друга в целях развития собственных представлений о траекториях и путях предполагающихся расширений²⁵. Тогда такие значительные социокультурные и научные концепции конца XX – начала XXI века, как постколониализм, ориентализм, мультикультурализм оказываются частными случаями начального этапа развития (гео)спациализма, на котором воображаемые географии явля-

советское прошлое // Новое литературное обозрение. 2001. № 49; Замятин Д.Н. Россия и нигде: Географические образы и становление российской цивилизационной идентичности // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / Отв. ред. И.Г. Яковенко. М.: Наука, 2007. С. 341—367 и др.

²⁴ См. более подробно: Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003; Он же. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004; Он же. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. М.: РОССПЭН, 2004; Он же. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.

²⁵ См. также: Замятин Д.Н. Пространство как образ и трансакция: к становлению геономики // Политические исследования. 2007. № 1. С. 168—184.

ются пока лишь побочным и второстепенным ментальным продуктом образного империализма, а не закономерным (вполне образно-детерминистским, рационалистическим) следствием столкновения и борьбы цивилизационных дискурсов. Как только понятие и образ современности, а вместе с ними и понятие глобализации будут осознаны как частный идеологический дискурс, сопостранственный любым другим значимым дискурсам, расширяющим своё феноменологическое пространство, образный империализм станет “чистым” операциональным образом, лишь поддерживающим “технически” на когнитивном уровне видимое расширение феномена сопостранственности.

«Бессознательное» первоначального модерна – так, как оно было репрезентировано развитием европейского капитализма, Великими географическими открытиями, культурой и искусством Возрождения – было связано с безусловной телеологией земного пространства, становящего тем самым вполне обозримым, представимым, *образным*²⁶. Эта вновь возникающая образность земного пространства опиралась феноменологически на классическое понятие империи как некоего абсолютно политически и метафизически органичного пространственного тела; развитие такого пространственного тела как бы автоматически уравнивало и выравнивало (в плане христианской метафизики) всякие с европейско-имперской точки зрения инокультурные анахронизмы, которые могли быть встречены европейскими культурами в своём, казалось бы, чисто географическом расширении и развёртывании²⁷.

Нет сомнения, что такой изначальный пространственно-феноменологический ход сильно облегчил в цивилизационном плане экспансию европейских держав за пределы их традиционного географического ареала, подкрепив ее хорошо укреплённым метафизически христианским мессианизмом. Однако этот вновь обретённый и постоянно обретаемый в ходе когнитивного развития колониалистского, а затем, в эпоху распада модерна, и постколониалистского дискурса, имперский *versus*, империалистский пафос (прикрываемый, естественно, традиционными религиозными установками, различными версиями цивилизаторской миссии и культуртрегерства) имел и обратную – метагеографическую – сторону. Империализм как мощный образ, возвращённый и лелеемый европейской цивилизацией эпохи модерна, оказался образно-географической «миной», или образно-географическим бумерангом для самого европейского модерна – способствуя формированию и развитию

²⁶ См.: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть 1. Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002; Он же. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 3. Время мира: Пер. с франц. Л.Е. Куббеля / Вступ. ст. и ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1992; Франкастель П. Фигура и место. Визуальный порядок в эпоху Кватроченто. СПб.: Наука, 2005; Дамиш Ю. Теория облака. набросок истории живописи. СПб.: Наука, 2003; Слотердайт П. Сферы. Макросферология. II. Глобусы. СПб.: Наука, 2007. С. 806—1114.

²⁷ Ср.: Слотердайт П. Указ. соч. С. 153—191; Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 1997. С. 229—241, 337—393.

вполне архаичных имперско-политических форм в Европе и на ее цивилизационных перифериях даже тогда, когда политико-культурный проект nation-state стал в дискурсивном отношении совершенно очевидным²⁸.

Как бы то ни было, именно ранний модерн репрезентировал образ империализма, синкретически слитый, сращенный с проблематикой пространственности, впервые становящейся – в семиотически значимых формах – одним из ясно выраженных, доминирующих цивилизационных дискурсов. Иначе говоря, европейский модерн осознал себя как «модерн» во многом благодаря разнообразно выраженным и интерпретированным дискурсам пространственности²⁹; с другой стороны, это была вполне локальная, европейская современность, оказавшаяся способной к уникальной по мощности пространственной экспансии, основанной на когнитивно укорененном и религиозно проработанном понятии и образе империи, а далее и империализма. Как расцвет, так и распад модерна оказался связанным с интенсивным дискурсивным использованием образа империи, чья вполне внешняя, когнитивно вторичная пространственная коннотация (физические размеры империи – важный, но не самый главный ее признак) постепенно стала его ядерным или стержневым элементом³⁰.

Надо ли говорить, что Великие географические открытия и формирование европейских колониальных империй были одновременно величайшей победой и в то же время величайшей фикцией, метагеографической ошибкой – если говорить об образно-империалистической интерпретации этих исторических событий³¹. Базовая «шизофрения» модерна как такового – уверенное оперирование дискурсом европейской пространственности³², постоянно

²⁸ См., например: *Geography and National Identity* / Hooson D. (Ed.). Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994; Каспэ С.И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001.

²⁹ Панофский Э. Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика. СПб.: Азбука-классика, 2004; Флоренский П.А. Абсолютность пространственности // Он же. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000. С. 274–296; Он же. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях // Он же. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000. С. 81–259; Арто А. Театр и его двойник. М.: Мартис, 1993; Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Он же. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–408; Он же. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986; Органика. Беспредметный мир природы в русском авангарде XX века. М.: Изд-во «РА», 2000 и др. В живописи это – возникновение и развитие кубизма, футуризма, супрематизма, конструктивизма; творчество Пикассо, Кандинского, Шагалла, Малевича, Филонова, группы «Зор-вед» (М. Матюшин и его последователи). В музыке прежде всего – Шёнберг. В кино – творчество С. Эйзенштейна, Л. Бунюэля; в фотографии – творчество Э. Атже, А. Родченко; в архитектуре – произведения Ф.Л. Райта и К. Мельникова. В литературе – произведения Пруста, Кафки, Джойса, Платонова. Отдельного рассмотрения в контексте геоспециализма заслуживают такие социокультурные феномены, как русский авангард и сюрреализм. Важнейшие интерпретации: Фуко М. Другие пространства // Он же. Интеллектуалы и власть. Часть 3. Статьи и интервью. 1970–1984. М.: Праксис, 2006. С. 191–205; Он же. Пространство, знание и власть // Там же. С. 215–237. Он же. Безопасность, территория, население // Там же. С. 143–151; Foucault M. Questions on Geography // Foucault M. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977 / Ed. by G. Gordon. Brighton, Sussex: Harvester Press, 1980. P. 63–77; см. также: Turnbull D. Cartography and Science in Early Modern Europe: Mapping the Construction of Knowledge Spaces // *Imago Mundi*. 1996. 48. P. 5–24.

³⁰ См., например: Филиппов А.Ф. Наблюдатель империи (империя как социологическая категория и социальная проблема) // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 89–120; Он же. Гетеротопология родных пространств // Отечественные записки. 2002. № 6 (7). С. 48–63; Cosgrove D., Atkinson D. Urban rhetoric and embodied identities: city, nation and empire at the Vittorio Emanuele II monument in Rome, 1870–1945 // *Annals of the Association of American Geographers*. 1998. Vol. 88. P. 28–49; Gilbert D. Heart of Empire? Landscape, space and performance in imperial London // *Environment and Planning D: Society and Space*. 1998. № 16. P. 11–28.

³¹ Ср.: Сеа. Л. Философия американской истории. М.: Прогресс, 1984; Три каравеллы на горизонте. К 500-летию открытия Америки. М.: Международные отношения, 1991; Утопия и утопическое мышление: антология зарубеж. лит. М.: Прогресс, 1991.

локализуемой различными вариантами образного империализма. Понятно, что то пространство – будь оно американским, африканским или азиатским – которое видели европейские купцы и завоеватели в XVI—XVII веках, для них было всегда, в образном плане, проектируемом в христианскую вечность, европейским, западным в широком смысле. Когнитивная ситуация конца XX – начала XXI века изменилась не очень сильно: образный империализм видоизменился, стал более совершенным в когнитивном плане, перейдя во многом в информационно-культурную сферу³³, однако все местные, локальные, неевропейские (незападные) отсчеты всякого исторического/параисторического времени наталкиваются на мощные, идущие извне дискриминационные политико-культурные дискурсы, не замечающие, игнорирующие любые, могущие возникнуть как автономные дискурсы, локально-пространственные автохтонные образы³⁴.

Геоспациализм в контексте цивилизационного анализа

Применительно к рассматриваемой проблематике, в узком смысле, геоспациализм обозначает столь сильное и очевидное цивилизационное и культурное дистанцирование и опосредование понятий географического фактора и географического пространства, что, по сути дела, теряет смысл сам вопрос о роли географического фактора в генезисе и динамике цивилизаций – можно сказать, географическое пространство само по себе оказывается в некотором роде ментальным продуктом определённой цивилизации, оперирующей свойственными ей географическими образами³⁵. Это не значит, что в рамках подобной парадигмы нельзя говорить об адаптации локальных цивилизаций к конкретным природно-климатическим условиям и географическому положению; речь, как правило, идёт о том, что всякая локальная цивилизация уже в своём генезисе невозможна без первоначальных и присущих только ей специфических пространственных представлений, в которых уже присутствуют “коды” такой адаптации.

Применительно к контексту взаимодействия цивилизации и географиче-

---

³² Ср.: Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

³³ Ср.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ «Высшая школа экономики», 2000; Geographies of global change: remapping the world in the late twentieth century / Ed. By R.J. Johnston, P.J. Taylor, and M.J. Watts. Oxford (UK) and Cambridge (USA): Blackwell, 1995.

³⁴ Ср.: Kasbarian J.A. Mapping Edward Said: geography, identity, and the politics of location // Environment and Planning D: Society and Space. 1996. Vol. 14. P. 529—557; Hall S. The Local and the Global: Globalization and Ethnicity // Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity / Ed. by A.D. King. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. P. 19—41; Hannerz U. Scenarios for Peripheral Cultures // Ibid. P. 107—129; Paasi A. Nationalizing everyday life: individual and collective identities as practice and discourse // Geography research forum. 1999. Vol. 19. P. 4—21.

³⁵ Замятин Д.Н. Геокультура: образ и его интерпретации // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 5—13; Он же. Геокультура и процессы межцивилизационной адаптации: стратегии репрезентации и интерпретации ключевых культурно-географических образов // Цивилизация. Восхождение и слом. Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. М.: Наука, 2003. С. 213—256; Ср.: Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006.

ского пространства, следует остановиться на трёх основных моментах. Первый из них формулируется как проблема методологических “ножниц”, связанная с содержательными и формальными различиями в репрезентации и интерпретации географических образов какой-либо цивилизации между внешним наблюдателем/исследователем (он может быть современником, но может жить и гораздо позже, в эпоху, когда данная цивилизация исчезла, перестав себя воспроизводить и оставив лишь материальные и ментальные следы и остатки своей деятельности) и представителями самой цивилизации или же материальными и духовными памятниками древней цивилизации, благодаря которым могут быть реконструированы её доминирующие географические образы³⁶. В такой когнитивной ситуации можно говорить о транзитных, переходных географических образах гибридного характера, содержащих интерпретации географического пространства исчезнувшей или чуждой цивилизации – так, как они возможны с точки зрения представителя другой цивилизации. В любом случае, в методологическом плане геоспациализм предполагает существование и развитие медиативных межцивилизационных пространств с гибкой ментальной структурой, позволяющей фиксировать, изучать и использовать одновременно географические представления, образы, символы различных культур и цивилизаций.

Второй момент следующий: в рамках геоспациализма всякая локальная цивилизация мыслится как пространственно расширяющаяся – причем даже не только и не столько политически (хотя это происходит часто³⁷), сколько экономически и культурно, когда образцы и стереотипы определённого цивилизационного поведения, конкретные цивилизационные установки (часто опирающиеся на сакральные представления и господствующую религию) постепенно выходят за границы своего первоначального распространения (цивилизационного ядра) и, приобретая различные модификации, начинают проникать в переходные межцивилизационные зоны (зачастую “переформатируя” их), а иногда и в сферы традиционного культурного влияния других локальных цивилизаций³⁸. Этот процесс может управляться и контролироваться лишь частично, поскольку ментальные продукты самостоятельной, сфор-

³⁶ См., например: Классический фэншуй: Введение в китайскую геомантию. СПб.: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2003; Гране М. Китайская мысль. М.: Республика, 2004; Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1984; Кэмпбелл Дж. Мифический образ. М.: АСТ, 2002; Кнабе Г.С. Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима // Культура Древнего Рима. Т. II. М.: Наука, 1985. 108—167; Топоров В.Н. Эней — человек судьбы. К «средиземноморской» персонологии. Ч. I. М.: Радикс, 1993; Ошеров С.А. Найти язык эпох (от архаического Рима до русского Серебряного века). М.: Аграф, 2001; Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999; Он же. Символы четырех евангелистов: Их происхождение и значение. М.: Языки русской культуры, 2000 и др.

³⁷ См. классические образцы подобного «геомессианства» на примере США: История США. Хрестоматия. М.: Дрофа, 2005; один из наиболее ярких образцов: Шуриц К. Предопределённая судьба (1893) // Там же. С. 116—129.

³⁸ Как правило, это очень ярко может отражаться в классических путевых записках и описаниях путешествий, когда путешественник в ходе своего путешествия попадает в совершенно иную культурную и цивилизационную среду. В качестве примера см.: Дарвин Ч.

мировавшейся цивилизации обладают, как правило, определённой пространственной синергией – они могут быть потенциально востребованы в каком-либо регионе, территории, испытывающих своего рода культурно-цивилизационный “дефицит” или цивилизационный “голод”. Так или иначе, локальные цивилизации потенциально чаще всего тяготеют к пространственной экспансии (несмотря на возможные периоды и эпохи сознательной политической изоляции – как, например, Япония в эпоху Токугава – тем более что такая изоляция по разным обстоятельствам никогда не может быть полной³⁹), причём подобная экспансия может быть выражена соответствующими географическими образами, как бы упаковываемыми, представляющими и продвигающими исходную цивилизацию на её новые пространственные рубежи.

Третий момент акцентирует наше внимание на проблеме геопропространственной относительности локальных цивилизаций. В рамках геоспациализма пространство любой цивилизации может быть адекватно представлено не столько традиционно-картографически, сколько образно-географически, то есть с помощью целевых системных срезов-построений ключевых цивилизационно-географических образов (образно-географических карт⁴⁰), которые также, в свою очередь, могут быть представлены как пространственные конфигурации. Такая ментальная многомерная “картография” предполагает фрактальный характер обычных, устоявшихся, традиционных цивилизационных границ, часто совпадающих с политическими границами⁴¹; цивилизация в геоспациальном контексте – это, скорее, пространственный образ геопропространства, выделяющего себя наиболее репрезентативными культурными, социальными, экономическими, политическими маркерами, говорящими внешнему наблюдателю об очевидной, наглядной специфике конкретного воображения⁴². Иначе говоря, всякое локальное воображение, представляющее себя устойчивыми сериями и системами пространственно сконструированных и построенных образов, может рассматриваться как самостоятельная цивилизация; воображение, включившее в себя пространственность как онтологическое основание, есть безусловная цивилизация. В качестве примера можно отметить, что европейская цивилизация,

Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». Изд-е 3-е. М.: Мысль, 1975; Кюстин А. де. Россия в 1839 году. В 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. См. также очень интересную исследовательскую постановку: Холландер П. Политические пилигримы (путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе 1928—1978). СПб.: Лань, 2001.

³⁹ Ср.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ «Высшая школа экономики», 2000; Geographies of global change: remapping the world in the late twentieth century / Ed. By R.J. Johnston, P.J. Taylor, and M.J. Watts. Oxford (UK) and Cambridge (USA): Blackwell, 1995.

⁴⁰ См., например: Кин Д. Японцы открывают Европу. 1720—1830. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1972. Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. С.118—140.

⁴¹ См.: Замятин Д.Н. Структура и динамика политико-географических образов современного мира // Полития. 2000. Осень. № 3 (17). С. 116-122; Он же. Географические образы мирового развития // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 125—138; Он же. Геополитика образов и структурирование метапространства // Политические исследования. 2003. № 1. С. 82—103.

⁴² Ср.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. О борьбе образов см. также: Грузински С. Колонизация и война образов в колониальной и современной Мексике // Международный журнал социальных наук. 1993. № 1. Май. Америка: 1492—1992. Исторические пути и детерминанты развития в их многообразии. С. 65—85.

вне всякого сомнения, может репрезентироваться различного рода ментальными маркерами, чьи физико-географические координаты могут относиться к государственным территориям России, Аргентины или Японии.

Сопространственность и политика

Всякая политика, рано или поздно, осознанно или бессознательно, оказывается связанной, в ментальном и деятельностном плане, с формированием определенных, специфических идентичностей, а также пространственных представлений. Политический актер, будь то публичный политик, рядовой избиратель, оппозиционер или же партизан, сталкивается с ситуацией, когда он должен, так или иначе, идентифицировать себя в пространстве, которое можно называть и просто политико-географическим – однако мы склонны обозначить его скорее как метагеополитическое. И разница здесь достаточно простая: суть дела в том, что политическая деятельность осуществляется, как правило, в весьма специфических пространствах, которые имеют лишь отдалённое отношение к классическим образам физического, географического или же политического пространства.

Метагеополитическое пространство представляет собой проекцию жизненного мира (*Lebenswelt*) политического актора на воображаемые им архетипические ментально-географические пространства мышления, решения и/или действия. Сложность представления самого метагеополитического пространства заключается в необходимости сочетания и дальнейшего связывания в понятный внешнему миру нарратив/дискурс принципиально различных по происхождению географических образов, остающихся чаще всего на уровне бессознательного. Как правило, метагеополитическое пространство может состоять из разнородных географических образов, имеющих отношение к сфере профессиональной деятельности актора, его обыденной деятельности, его воспоминаниям и долговременной памяти; эти образы могут накладываться на друг друга и формировать с точки зрения условного внешнего наблюдателя довольно причудливые конфигурации. Естественно, что наиболее репрезентативными оказываются метагеополитические пространства публичных политиков или же известных общественных/культурных деятелей, тогда как аналогичные пространства рядовых политических акторов часто «остаются за кадром».

Между тем, мы должны соотносить те или иные метагеополитические пространства, особенно, если это касается публичных/профессиональных

политических акторов. Наряду с этим, происходит взаимодействие различных метагеополитических пространств, имеющих отношение к ключевым «игрокам» в поле политической деятельности. В силу очевидной разницы образно-географического background'a данных «игроков» возникает феномен *сопротранственности*, когда политическое взаимодействие оказывается сегментированным на ряд ментально-пространственных фрагментов, которые и создают определённый метагеополитический нарратив/дискурс, не предполагаемый ни одним из акторов.

В данном случае, нужно говорить о пространственной идентичности политического актора, выявляющейся или проявляющейся в форме метагеополитических пространств.

Базовые когнитивные модели территориальной идентичности

Сформулируем первичную простейшую (элементарную) когнитивную «платформу», важную для нашего дальнейшего исследования. Итак, предполагается, что территория обладает или имеет конкретный информационный объем, существует некоторый информационный банк относительно определённой территории, а также и банк знаний. В свою очередь, понятие и концепт идентичности, что идентичность всегда кому-то принадлежит, она всегда относится к чему-то и/или к кому-то, включает в себя конкретные эмоции, чувства, образы (воображение), а также возможность рационализации этих чувств и образов. Наконец, элементарное понятие территориальной идентичности возникает, когда в логическом отношении пересекаются и начинают взаимодействовать концепты территории и идентичности (мы здесь пока не говорим о собственно феноменологии территориальной идентичности в широком смысле, ограничиваясь формальной логикой).

Далее логически мы можем предположить, что концепт идентичности является активным по отношению к концепту территории, который остаётся, в свою очередь, пассивным. Иначе говоря, в данном представлении, концепт территории выглядит как подстилающая поверхность, фон, подложка, а концепт идентичности трансформируется, перестраивается, видоизменяется, оказываясь в определённом территориальном контексте. Такое представление может быть опять-таки базовым, впоследствии эта элементарная когнитивная модель может быть усложнена и/или переработана. Так или иначе, собственно территориальная идентичность, согласно этой когнитивной модели, является результатом неких содержательных отношений, в результате чего может возникать и обратная связь: представление о территории меняется, поскольку

может меняться территориальная идентичность, становящаяся в процессе своей трансформации синтетическим и динамическим концептом.

Попробуем теперь перейти к несколько более сложной когнитивной модели территориальной идентичности. Предположим, что концепт территории включает в себя не только конкретный объем информации и знаний (грубо говоря, это «физическая» модель территории), но и некоторые представления о ней, не связанные прямо с какой-либо точной информацией или знанием. Иначе говоря, помимо собственно «физической» территории, теперь существует и «метафизическая» территория. Именно в этом слое «откладываются» локальные мифы, «складируются» географические образы-архетипы, формируется представление о культурных ландшафтах. Следует сразу отметить, что «метафизическая» территория часто и чаще всего возникает в воображении отдельных людей и сообществ, являющихся либо пришлыми на данной «физической» территории (формально – случай иммигранта и диаспоры), либо физически покинувшими определённую территорию или страну (случай эмиграции). В любом случае, мы можем говорить здесь о том, что подвижность людей и человеческих сообществ способствует формированию метафизики территорий: удалённость от родного места может рождать локальный миф о нём, прибытие на новую территорию и жизнь на ней могут способствовать развитию новых географических образов и мифов, необходимых для укоренения здесь. Концепт территории, тем не менее, остаётся и в этой усложнённой модели когнитивно неподвижным, статичным; территория рассматривается, используя лингвистическую метафору, в условном «страдательном залоге».

Географический образ – система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию (место, ландшафт, регион, страну). Географический образ – центральное понятие *имагинальной географии*. Как правило, отдельные географические образы могут формировать, в свою очередь, образно-географические системы (метасистемы).

Близким по смыслу к понятию географического образа является понятие географического имиджа (имиджа территории). Синонимы географического образа – образ территории, образ региона, образ места, образ пространства. Как инвариант понятия «географический образ» может рассматриваться понятие *культурного ландшафта*. В содержательном плане наиболее продуктивно использование понятия географического образа совместно с понятиями *когнитивно-географического* контекста и локального (регионального, пространственного) мифа.

Географический образ есть феномен культуры, характеризующий стади-

альное (общий аспект) и уникальное (частный аспект) состояния общества. Данный феномен является важным критерием цивилизационного анализа любого общества. Качественные характеристики географических образов в культуре, способы репрезентации и интерпретации географических образов, структуры художественного и политического мышления в категориях географических образов являются существенными для географического, культурологического, исторического, политологического анализа развития общества.

Локальные мифы, будучи одним из устойчивых типов пространственных представлений на протяжении, по крайней мере, всех известных письменных историй⁴³, претерпевают в эпоху модерна столь существенные системно-структурные изменения, что оказываются не только вполне традиционными ментальными нарративами, описывающими и характеризующими определённые места и территории, но и принципиально, жизненно, экзистенциально важными компонентами видения не только прошлого и настоящего, а также и будущего – будущее начинает как бы закрепляться, “фиксироваться” соответствующими легендарными событиями и историями, уверенно проецируемыми в пространство ещё не сбывшегося, не состоявшегося, однако весьма возможного и желательного. Если понимать под локальными мифами систему специфических устойчивых нарративов, распространённых на определённой территории, характерных для соответствующих локальных и региональных сообществ и достаточно регулярно воспроизводимых ими как для внутренних социокультурных потребностей, так и в ходе целенаправленных репрезентаций, адресованных внешнему миру, то основную суть когнитивных изменений, происходящих с локальными мифами и в них самих в эпоху модерна, в их самом первоначальном и грубом виде, можно свести к наглядным ментальным преобразованиям пространственной онтологии локальных мифов, их условных хтонических оснований⁴⁴. Иначе говоря, пространство локальных мифов начинает быстро расширяться не возможными ранее темпами – не в смысле хорошо известной специалистам (филологам,

⁴³ См., например: Фрейдберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издат. Фирма «Восточная литература» РАН, 1998; Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994; Он же. Космос и история: Избранные работы. М.: Прогресс, 1987; Он же. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2000; Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1985; Кэмпбелл Дж. Мифический образ. М.: АСТ, 2002; Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996; Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000; Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976; Вен П. Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. М.: Искусство, 2003. С. 100—106; Неклюдов С. Структура и функции мифа // Мифы и мифология в современной России. М.: АИРО-XX, 2000. С. 17—39; Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004; Торшилов Д.О. Античная мифография: миф и единство действия. СПб.: Алетейя, 1999; Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1993; Он же. Метафизика Севера. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2004; Фадеева Т.М. Крым в сакральном пространстве: История, символы, легенды. Симферополь: Бизнес-Информ, 2000; Абашев В.В. Пермь как центр мира. Из очерков локальной мифологии // Новое литературное обозрение. 2000. № 6(46). С. 275—288; также: Митин И.И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск: Ойкумена, 2004.

⁴⁴ McLean S. Touching Death: Tellurian Seduction and Spaces of Memory in Famine Ireland // Culture, Space and Representation. A special issue of the Irish Journal of Anthropology. 1999. Vol. 4. P. 61—73; Crouch D. Spatialities & the Feeling of Doing // Social & Cultural Geography. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 61—73; Замятин Д. Пришествие геократии. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Независимая газета. 23.07.2008.

искусствоведам, культурологам, психологам, историкам, этнологам, географам) повторяемости базовых архетипических сюжетов, воспроизводящихся в совершенно разных цивилизациях и культурах и на сильно удалённых друг от друга территориях, в совершенно различных порой природных и культурных ландшафтах⁴⁵, а в смысле их семантической и образной экспансии в ранее не достижимые для них области ментальной и материальной жизни региональных сообществ.

Обобщённая когнитивная модель пространственных представлений и территориальные идентичности

Итак, понятие и концепт территориальной идентичности «работает» в пределах гуманитарной географии в кругу понятий географического образа, локального мифа и культурного ландшафта, это его гуманитарно-географический контекст. Если выстраивать определённую иерархию соотношений этих понятий, имея в виду уровни рассмотрения пространственных представлений в рамках гуманитарной географии, то территориальная идентичность как бы надстраивается над географическими образами и локальными мифами, использует и впитывает их; в то же время именно территориальная идентичность оказывается рефлексивной основой для выявления и фиксации конкретных культурных ландшафтов, типичных для данной территории. Наряду с этим, территориальная идентичность как условный ментальный продукт оказывается под влиянием конкретных когнитивно-географических контекстов, имеющих отношение к изучаемой территории, а также проблематики «гений и место», персонализирующей и тем самым несколько упрощающей «технологии» воображения территориальной идентичности. Концепты «когнитивно-географический контекст» и «гений и место» являются своего рода вертикальными ментальными «лифтами», способствующими эффективному взаимодействию всех «этажей» концептуального «здания» гуманитарной географии.

Если структурировать в ментальном отношении основные понятия, описывающие образы пространства, производимые и поддерживаемые человеческими сообществами различных иерархических уровней, разного цивилизационного происхождения и локализации, то можно выделить на условной вертикальной оси, направленной вверх (внизу – бессознательное, вверху – сознание), четыре слоя-страты, образующие треугольник (или пирамиду, если строить трехмерную схему), размещенный своим основанием на горизонтали. Нижняя, самая протяженная по горизонтали страта, как бы утопаю-

---

⁴⁵ См., например: Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1985; Кэмпбелл Дж. Мифический образ. М.: АСТ, 2002.

щая в бессознательном – это географические образы; на ней, немного выше, располагается “локально-мифологическая” страта, менее протяженная; еще выше, ближе к уровню некоего идеального сознания – страта территориальной (региональной) идентичности; наконец, на самом верху, “колпачок” этого треугольника образов пространства – культурные ландшафты, находящиеся ближе всего, в силу своей доминирующей визуальности, к сознательным репрезентациям и интерпретациям различных локальных сообществ и их отдельных представителей⁴⁶. Понятно, что возможны и другие варианты схем, описывающие подобные соотношения указанных понятий. Здесь важно, однако, подчеркнуть, что, с одной стороны, всевозможные порождения оригинальных локальных или региональных мифов во многом базируются именно на географическом воображении причём процесс разработки, оформления локального мифа представляет собой, по всей видимости, “полусознательную” или “полубессознательную” когнитивную “вытяжку” из определённых географических образов, являющихся неким “пластом бессознательного” для данной территории или места. Скорее всего, онтологическая проблема взаимодействия географических образов и локальных мифов – если пытаться интерпретировать описанную выше схему – состоит в том, как из условного образно-географического “месива”, не предполагающего каких-либо логически подобных последовательностей (пространственность здесь проявляется как наличие, на сущность пространств, чьи образы не нуждаются ни в соотносительности, ни в иерархии, ни в ориентации/направлении), попытаться сформировать некоторые образно-географические “цепочки” в их предположительной (возможно, и не очень правдоподобной) последовательности, а затем, параллельно им, соотносясь с ними, попытаться рассказать вполне конкретную локальную историю, чьё содержание может быть мифологичным. Иначе говоря, при переходе от географических образов к локальным мифам и мифологиям должен произойти ментальный сдвиг, смещение – всякий локальный миф создается как разрыв между рядоположенными географическими образами, как когнитивное заполнение образно-географической лакуны соответствующим легендарным, сказочным, фольклорным нарративом.

Если продолжить первичную интерпретацию предложенной выше ментальной схемы образов пространства, сосредоточившись на позиционировании в её рамках локальных мифов, то стоит обратить внимание, что, оче-

⁴⁶ Важно отметить, что для репрезентации всех выделенных уровней модели необходимо изучение локальных текстов; см., например: Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Изд. группа «Прогресс» — «Культура», 1995; Русская провинция: миф—текст—реальность / Сост. А.Ф. Белоусов и Т.В. Цивьян. М., СПб.: изд-во «Лань», 2000; Кривонос В.Ш. Гоголь: миф провинциального города // Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. С. 101—110; Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000; Люсий А.П. Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003; Геопанорама русской культуры: Провинция и её локальные тексты / Отв. Ред. Л.О. Зайонц; Сост. В.В. Абашев, А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян. М.: Языки славянской культуры, 2004 и др.

видно, локальные мифы и целые локальные мифологии могут быть базой для развития соответствующих территориальных идентичностей. Ясно, что и в этом случае, при перемещении в сторону более осознанных, более “репрезентативных” образов пространства, должен происходить определённый ментальный сдвиг. На наш взгляд, он может заключаться в “неожиданных” – исходя из непосредственного содержания самих локальных мифов – образно-логических и часто весьма упрощённых трактовках этих историй, определяемых современными региональными политическими, социокультурными, экономическими контекстами и обстановками. Другими словами, территориальные идентичности, формируемые конкретными целенаправленными событиями и манифестациями (установка мемориального знака или памятника, городское празднество, восстановление старого или строительство нового храма, интервью регионального политического или культурного деятеля в местной прессе и т.д.), с одной стороны, как бы выпрямляют локальные мифы в когнитивном отношении, ставя их “на службу” конкретным локальным и региональным сообществам, а, с другой стороны, само существование, воспроизводство и развитие территориальных идентичностей, по-видимому, невозможно без выявления, реконструкции или деконструкции старых, хорошо закреплённых в региональном сознании мифов⁴⁷, и основания и разработки новых локальных мифов, часть которых может постепенно закрепиться в региональном сознании, а часть – оказавшись слабо соответствовавшей местным географическим образам-архетипам и действительным потребностям поддержания территориальной идентичности – практически исчезнуть.

Общие методологические подходы к изучению территориальной идентичности

Попытаемся теперь сформулировать общие методологические подходы к изучению территориальной идентичности, важные для дальнейшего понимания специфики соответствующих гуманитарно-географических дискурсов. Заметим, что эти подходы не носят жёсткого дисциплинарного характера, хотя, несомненно, имеют конкретное когнитивное происхождение.

Выделим три базовых подхода: *плюралистический*, основанный на понятии множественности (А); *уникалистский*, или *феноменологический*, рассматривающий определённую идентичность «здесь-и-сейчас» (Б); и *апофатический*, или

⁴⁷ См., например: Елистратов В.С. Евразийский Рим или Апология московского мещанства // Он же. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь. М.: Русские словари, 1997. С. 640—702; Конькова О.И. Ижорский мир: формирование и конструкция. Пространство и время // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты нарвов Европейского Севера / Отв. ред. Н.М. Теребихин. Архангельск: Поморский университет, 2006. С. 53—68; Дранникова Н.В. Мифология Кенозерья // Там же. С. 109—115.

– иначе – *онтологический*, сфокусированный на исследовании возможности/невозможности, наличии/отсутствии идентичности как таковой (В).

А. Плюралистический подход

Плюралистический подход опирается на представление о множествах территорий, в отношении которых могут самоопределяться те или иные личности, группы, сообщества людей. Предполагается, что, во-первых, субъекты территориальной идентичности могут расходиться в своих представлениях об тех или иных объектах, т.е. территориях; более того, эти территориальные представления имеют свою динамику. Во-вторых, сами субъекты идентичности могут меняться, развиваться, трансформироваться, даже исчезать, что ведёт за собой смену общей «картины мира» территориальных идентичностей. В любом случае, множественность территориальных идентичностей способствует вновь и вновь возникающим антагонизмам, противоречиям между личностями и сообществами с пересекающимися территориальными идентичностями. Очевидно, что этот подход имеют по преимуществу социологическое происхождение, в рамках него возможны достаточно полные первичные описания территориальных идентичностей, привязанных к традиционным, посттрадиционным, а также современным обществам; здесь же группируется базовая проблематика национальных идентичностей и национализмов, во многом связанная именно с конкретными территориями и задачами их физической и метафизической делимитации (проблема «крови и почвы» в традиционном и посттрадиционном дискурсах)⁴⁸.

Как бы то ни было, пространство и в начале XXI века выступает естественной образной основой для любого рода проектов идентичности, тем более, языковой идентичности, тесно связанной уже в эпоху зрелого модерна с идеолого-националистическими проектами, апеллирующими, как правило, к «крови и почве». Идеологическое наследие модерна, будучи, по преимуществу, западным (европейским) культурным и цивилизационным порождением, претерпевает очевидные социокультурные метаморфозы на территориях и в пространствах, чьи цивилизационные основания онтологически не сопрягаются или сопрягаются плохо с ключевыми «требованиями» процесса модернизации⁴⁹. Подобные метаморфозы могут быть достаточно эффективно репрезентированы именно на геокультурном или гецивилизационном

⁴⁸ Geography and National Identity / Hooson D. (Ed.). Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994; Смит Э.Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А.В. Смирнова и др.; общ. ред. А.В. Смирнова. М.: Праксис, 2004.

⁴⁹ См., например, довольно курьезную политико-дипломатическую историю с написанием слова «Чехословакия» через дефис в советских дипломатических документах и прессе 1920—1930-х гг. в противоречии с официальным аутентичным написанием «Чехословакия» в 1920—1938 гг. и возникший вокруг этой истории дипломатический конфликт с явной опорой на языково-идеологический контекст // Кен О., Рупасов А. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Часть 1. Декабрь 1928 – июнь 1934 г. Научное издание. СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2000. С. 494. См. также в более

фундаменте, когда конкретное пространство/территория/регион/страна наделается специфическими образными маркерами, расширяющими довольно “узкие” в идеологическом плане культурно-типологические матрицы⁵⁰. При таком методологическом подходе становится возможным говорить об азиатском модерне, российском модерне, постсоветском модерне и т.д., не рискуя оказаться практически сразу в “плену” евроцентристских или западноцентристских идеологических дискурсов.

Речевые и письменные языковые практики во многом зависят от структур повседневных коммуникаций и образов доминирующих культурных ландшафтов. Преобладающая речь на улице, в толпе, в кафе, уличные вывески, газетные киоски, продавцы в магазинах, язык бизнес-переговоров и лектора в университете, стендовая информация в государственных учреждениях, полки в книжных магазинах, дорожные указатели, программы телеканалов, содержание Интернет-сайтов – всё это обуславливает не только фон формирования языковых идентичностей, но и сами структуры таких идентичностей. Характерно, что языковые идентичности, в свою очередь, могут определять содержание и структуры обыденных культурных ландшафтов, влияя тем самым и на становление доминирующих географических образов страны или территории.

Фактический распад, агония модерна привела к сильнейшей дифференциации культурных и идеологических дискурсов, слабо или совсем не соприкасающихся друг с другом; пространство глобализации – в том его “изводе”, который складывается в развитых западных странах – часто представляет собой сравнительно автономное сосуществование различных локальных идентичностей, культурных ландшафтов и географических образов, чья общность может быть зафиксирована лишь частично, фрагментарно, “одномоментно”⁵¹.

Б. Феноменологический подход

Феноменологический подход ориентирован, в первом приближении, на разработку ментальных схем инструментального описания взаимоотношений, как правило, отдельной личности, человека с конкретным местом, территорией, причём главной проблемой здесь является переход от физического к метафизическому представлению территории, которая, фактически, может

широком культурно-антропологическом контексте: Appadurai A. *Modernity at Large*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996; Аппадурай А. Ставя иерархию на место // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 8—14; Соколовский С.В. Образы других в российских науке, политике и праве. М.: Путь, 2001.

⁵⁰ См.: Замятин Д.Н. Геокультура и процессы межцивилизационной адаптации: стратегии репрезентации и интерпретации ключевых культурно-географических образов // Цивилизация. Восхождение и слом. Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. М.: Наука, 2003. С. 213—256; Ср.: Батомункуев С. Указ. соч.; Горак С. Указ. соч.; Шнирельман В. От конфессионального к этническому: болгарская идея в национальном самосознании казанских татар // Евразия. Люди и мифы. (Сб. статей из журнала «Вестник Евразии») / Сост., отв. ред. С.А. Панарин. М.: Наталис, 2003. С. 450—474.

⁵¹ Малахов В. Культурный плюрализм versus мультикультурализм // Логос. 2000. № 6. С. 4—8; Mapping Multiculturalism / Ed. Avery F. Gordon and Christopher Neufeld. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1996.

пониматься как некое «второе тело» субъекта территориальной идентичности. Стоит отметить также, что чёткая грань между субъектом и объектом территориальной идентичности в данном случае стирается. В то же время предполагается, что отдельные индивидуальные или персональные территориальные идентичности никоим образом не могут противоречить друг другу, хотя бы даже они содержательно пересекались; они находятся в разных феноменологических планах, или «регионах». В рамках данного подхода возникает устойчивая проблематика территориального/географического воображения, при этом само территориальное воображение постоянно вытесняется вполне рациональными ментальными схемами конкретной интерпретации территории.

Территории, места не существует без поддерживающего и “объясняющего” его существования мифа или совокупности, системы мифов. Иначе говоря, именно географическое воображение, взятое в его феноменологически-нарративном контексте, обеспечивает в итоге реальную географию и топографию региона⁵². Можно при этом довольствоваться довольно простой локально-мифологической “формулой”, утверждая, что место плюс (мифологическое) событие есть со-бытие места. Здесь могут быть введены условные когнитивные поправки на мифологичность или легендарность самого события, не подтверждаемого строгими историческими фактами (или, наоборот, хорошо подтверждаемого), однако не эти поправки определяют, по сути, действительность локальных мифов.

Эффективное функционирование феноменологической модели связано с представлением о том, что наличное бытие, как бы отвечающее за понятия действительности и / или реальности, не описывается какими бы то ни было образами или архетипами, с помощью которых могли бы действовать те или иные индивиды или какое-либо сообщество в целом⁵³. Географическое воображение эпохи Модерна фактически “расправилось” с одномерными пространственными представлениями, как бы окупленными в пределах определённой культуры или цивилизации. Вместе с тем многочисленные ментальные образования и ментальные фантомы Модерна и Постмодерна “упакованы” в специфические западные оболочки – евроатлантическое или евроамериканское цивилизационное сообщество контролирует главные феноменологические процессы, диктуя смежным цивилизационным сообществам метацивилизационные правила создания и функционирования подобных ментальных оболочек. Тем не менее, сами онтологии все новых и новых, но все же типовых ментальных конструкторов остаются своего рода местом экзистенциальной свободы и оригинальных экзистенциальных стратегий.

---

⁵² Ср.: Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1993; Он же. Метафизика Севера. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2004; Рахматуллин Р. Две Москвы...

⁵³ Ср.: Пелипенко А.А. Генезис смыслового пространства и онтология культуры // Человек. 2002. № 2. С. 6—22.

В. Онтологический подход

Онтологический подход предполагает разработку бытийных аспектов территориальной идентичности. В сущности, именно здесь концентрируется проблематика гения и места: гений является творческой личностью, преобразующей место, присваивающей его себе, а место трактуется как мощная онтологическая необходимость, граничащая собственно с небытием. Таким образом, территория в контексте онтологического подхода перестаёт быть «пассивным» концептом; она приобретает онтологический статус, что означает невозможность любого представления конкретной территории вне определённого и онтологически интерпретированного дискурса. «Метафизическая» территория как бы срастается с «физической», как следствие этого возникает проблематика территориализации и детерриториализации. «Физическая» территория отходит на задний план и, хотя её нельзя назвать просто географическим образом, или «чистым» географическим образом, однако она растворяется в ментальном плане в композитном едином дискурсе территории как возможности-и-необходимости, что ведёт к когнитивному исчезновению дуализма «физической» / «метафизической» территорий.

Территориальные идентичности и понятие пространственности

Так или иначе, территориальные идентичности в своей когнитивной основе опираются на понятие пространственности. Как правило, культурно-географические дискурсы конца XX века имеют дело с бинарной оппозицией «место – пространство», в которой концепт места связывается с территориальной определённостью, зафиксированностью, освоенностью, чётким масштабированием, тогда как концепт пространства ориентирован в свою очередь на территориальную неопределённость, отсутствие чётких территориальных границ, неосвоенность или малоосвоенность. Между тем, эти вполне очевидные методологические воззрения, коренящиеся, собственно, в самом языке, обладают, несомненно, когнитивной подвижностью (так, понятие местности, с одной стороны, коренится в понятии места и обладает некими территориальными рамками или границами, но, с другой стороны, всё же не имеет точно оговариваемых границ и черт), и, наряду с этим, во многом зависят от включения тех или иных социологических «регистров», своеобразных когнитивных «призм», посредством которых через межличностные и межгрупповые взаимодействия проявляется то, что обычно называют или пытаются определить как образ территории, или, более точно, географический образ. Следовательно, та или иная чётко отграничиваемая,

лимитируемая территориальная единица – например, дом, двор, селение, квартал и т.д. – могут быть одновременно внешним маркером определённой территориальной идентичности, и, в то же время, обладать собственным, оригинальным географическим образом, онтологически обусловленным естественной пространственностью интересующего нас места. В сущности, в контексте трактуемого таким образом понятия пространственности и территорию можно определить как пространство, имеющее некое множество географических образов и располагающее людьми или сообществами, выражающими своё отношение к нему (открыто или латентно, сознательно или бессознательно; при этом, сами люди и/или сообщества не обязательно должны жить, постоянно или временно, здесь).

Современные методологические и теоретические интерпретации территориальных идентичностей базируются на соответствующих трактовках понятий пространства и пространственности. *В первом приближении можно говорить о двух ключевых идеологических подходах, оказывающих прямое влияние на данные интерпретации – это, безусловно, марксизм и постмодернизм, сочетающийся в ряде версий с постструктурализмом.*

В рамках современного марксизма пространство понимается как важнейший элемент капиталистического производства, по сути дела, пространство, с одной стороны может и должно воспроизводиться, а, с другой стороны, оно является важнейшим институтом, обеспечивающим устойчивость капиталистической системы в целом⁵⁴. Мощные технологические инновации, связанные с компьютерной революцией, концептуальное развитие понятий виртуальности и виртуального пространства, киберпространства, сетевого пространства видоизменили марксистские подходы, но не трансформировали их радикально. Борьба, в том числе классовая борьба, за пространство, за способы его представления и воображения продолжается и в рамках сетевых и виртуальных пространств. Двойная анонимность сетевых агентов в Интернет порождает как бы безличные пространства, обладающие в то же время четкими, хорошо репрезентированными образами. Особенно ярко это видно также на примере современных урбанизированных пространств, создающих впечатление безместности, пустынности, анонимности, заброшенности, стандартности, безликой повторяемости⁵⁵. В таких условиях территориальные идентичности оказываются своего рода «редкостью», за которую надо бороться, которую надо целенаправленно производить и перераспределять, вследствие чего возникает и экономика территориальных идентичностей.

Характерно, что даже постмарксистское видение проблематики простран-

---

⁵⁴ Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Basil Blackwell, 1991.

ства, заявленное в социологической теории П. Бурдьё, вынуждено работать с пространственными категориями как с «капиталом»; вся методологическая борьба Бурдьё с наследием Маркса оборачивается лишь усилением символических аспектов воображения пространства, которое остаётся эквивалентом своего рода метафизического тела, к которому применимо то или иное насилие⁵⁶. Тем не менее, в концепции Бурдьё мы можем видеть некоторое возвращение к неоплатоническим интерпретациям пространственности, в рамках которых телесность, сопряженная с динамическими душевными пертурбациями, вполне эффективно с когнитивной точки зрения трансформируется в понятие габитуса. Соответственно, и территориальные идентичности могут теперь восприниматься как ментальные схемы людей и сообществ по поводу присвоения тех или иных символических и/или культурных пространств.

Постмодернистский дискурс пространственности и территориальных идентичностей не выглядит однородным; он, скорее, представляет собой совокупность методологических и теоретических практик и приёмов, призванных разрушить модернистское понимание пространства и, одновременно, создать идеологическое обоснование социокультурным процессам глобализации и регионализации современного мира. В этой связи мы наблюдаем устойчивый постмодернистский интерес к пространствам переходным, динамическим, пограничным, трансграничным – там, где нет четких границ и строгих и ограниченных символических интерпретаций⁵⁷. Туризм, путешествия, возрастающая мобильность и территориальная подвижность, «текучесть», относительность как пространств, так и территориальных идентичностей – эти темы и концепты обуславливают как идеологическую ангажированность постмодернистских версий пространственности, так и неизменный релятивизм методологических построений, связанный, например, с известным понятием глокализации. В сущности, территориальная идентичность в постмодернистской трактовке оказывается, говоря в терминах Леви-Строса, «бриколажем» географических образов, локальных мифов и культурных ландшафтов, складывающихся в некую ментальную мозаику в конкретный момент времени; говорить об устойчивой, истинной, верной в последней инстанции территориальной идентичности здесь не приходится.

⁵⁵ Сойя Э.У. Дигитальные сообщества, Сим-сити и гиперреальность повседневной жизни // Proect International. 15. Март 2007. С. 127-141.

⁵⁶ Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. Москва: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001; Он же. Социология социального пространства. Москва: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

⁵⁷ Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity / Ed. by A.D. King. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997; Бауман З. Текучая современность. СПб: Питер, 2008.

Воображение территориальной идентичности

По всей видимости, иерархизация (в содержательном смысле) социальных контактов вкупе с детальным масштабированием территории позволяют говорить в параллельных регистрах (социологическим и географическим) форматирования территориальных идентичностей. С одной стороны, можно фиксировать размеры и размах социальных контактов на уровнях межличностного общения, внутри и между различными профессиональными и социальными группами, внося поправки на случайное общение; с другой стороны, можно привязывать эти уровни к конкретным территориальным единицам – дом, двор, улица, поселение, город, местность, район и т.д. Мы получаем, таким образом, первоначальную коммуникативную матрицу, в рамках которой можно, выделяя отдельные социально-территориальные ячейки, проводить целенаправленные исследования территориальной идентичности. Этот взгляд выглядит довольно позитивистским, если не ввести в эту упрощённую модель понятие образа территории, или географического образа. Нам представляется, что в случае введения в модель понятия образа территории она становится в значительной степени дедуктивной, ибо вполне можно полагать, что в результате социального общения на различных территориальных уровнях возникает определенный, или определенные образы территории, подвергающиеся в дальнейшем процессам своеобразной волновой интерференции. Если же ввести в модель понятие географического образа, то она приобретает не только физический, но и метафизический характер, поскольку можно предположить, что данная модель становится по преимуществу открытой, а, главное, она включает самого наблюдателя (исследователя), вносящего своё видение проблемы (само собой, при этом модель обретает и индуктивные качества). Иначе говоря, в любом случае, мы должны иметь дело с неоднородной в когнитивном отношении моделью, в которой процесс условного смешения социальных и территориальных параметров нуждается, так или иначе, во введении образно-географического «катализатора».

Значение пространственности и сопостранственности для становления территориальных идентичностей различных иерархических уровней

Территориальные идентичности различных иерархических уровней формируются, как правило, на мощном онтологическом субстрате, предполагающем существование специфических пространственностей, характеризующих наиболее важные пространственные образы-архетипы, присущие более

масштабным территориальным сообществам (по принципу $n + 1, 2, 3$ и т.д.). Если мы говорим о небольших территориальных сообществах (деревни, нескольких соседних сельских населённых пунктов, небольшого городка с его округой), то, несомненно, пространственность проявляется здесь скорее на уровне стереотипных культурных ландшафтов и олицетворении конкретной местности (её известные и выдающиеся люди). Наряду с этим, мы можем наблюдать примеры локальных мифов и географических образов более высокого иерархического уровня, позволяющие говорить об архетипичных образах пространства, являющихся общими для достаточно крупных регионов странового уровня (например, Бавария в Германии или Урал в России). Таким образом, конкретная пространственность есть, по большому счёту, мета-алгоритм становления территориальных идентичностей в контексте более крупных рамок (фреймов).

Проблематика соппространственности возникает в тот определённый момент времени (в широком историческом смысле), когда становится относительно ясным сосуществование разнородных, различных по генезису и способам функционирования территориальных идентичностей в пределах каких-либо территориальных сообществ, социальных групп или же на примере отдельных индивидуумов. На наш взгляд, эта проблематика становится актуальной на стадии позднего Модерна – сначала неявно, а затем явно и довольно остро. Основное содержание социокультурных процессов, связанных со становлением соппространственности (сопространственностей) можно охарактеризовать так: территориальные сообщества, а вместе с ними и территориальные идентичности постепенно начинают трансформироваться в более гибкие социо-ментальные структуры, для которых различного рода территориальные маркеры, а также пространственные образы-архетипы могут быть не согласованными и даже противоречащими друг другу в рамках традиционной формальной (аристотелевской) логики. В то же время эти признаки могут быть «плавающими», неясными, размытыми, мерцающими – проявляясь при этом довольно жёстко в пограничных/лиминальных психологических, социокультурных и политических ситуациях. Так, например, человек может быть по происхождению (рождению) пикардийцем, жить в зрелом возрасте на юге Украины и считать себя «гражданином мира», что не отменяет при случае его чётких в социо-психологическом смысле реакций в тех или иных ситуациях. Вместе с тем, надо отметить, что соппространственность, являясь, по сути, онтологической категорией, может рассматриваться в феноменологическом аспекте как пространственное сосуществование пространственных представлений, образующих в опреде-

лѐнных узлах (точках) знаково-символические «сгущения», концентрации смыслов совершенно различных мест и территорий, объединѐнные оригинальной онтологической, или экзистенциальной «манифестацией». Иначе говоря, сопространственность формируется в результате семиотического смешения, перемешивания несовместимых в традиционном контексте территориальных идентичностей, чьи пространственности как бы пронизывают друг друга, координируются по отношению друг к другу, создавая частное, «приватное», здесь-и-сейчас мета-пространство.

Политика места / место политики

В контексте проблематики пространственности/сопространственности можно говорить о политике места и вытекающей из неё и тесно с ней взаимосвязанной проблеме места политики. Место здесь понимается нами как родовая онтологическая категория, объединяющая в семиотическом плане такие понятия, как территория, регион, страна, местность и т.д., а также «диктующая» в дискурсивном отношении содержательные стратегии и сценарии воображения и восприятия тех или иных локусов, исходя из уже заданных онтологически «внутренних» императивов (интенций). Таким образом, место может выступать в качестве исходного онтологического «пункта» для выработки конкретных политических нарративов; место оказывается, благодаря такому подходу, политическим «узусом», позволяющим далее разрабатывать как стратегии политического анализа, так и более широкие экзистенциально ориентированные социокультурные стратегии.

Политика места – это целенаправленный когнитивный дискурс трансляции вовне (за пределы конкретного места) образов, мифов, ценностей, стереотипов, характеризующих данное место. Политика места является необходимой составной частью современных политик, в частности политик идентичности. Несколько расширяя это понятие, мы можем говорить также, что американская, китайская, французская внешние политики могут интерпретироваться как политики места, имея ввиду их локально-цивилизационное дискурсивное происхождение. Другими словами, политика места может трактоваться и как целенаправленный локально-цивилизационный дискурс.

Исходя из вышесказанного, мы попытаемся определить место политики как специфической социокультурной деятельности, присущей локальным цивилизациям на определённых стадиях их развития. Политика в пространственном смысле есть разумная когнитивная деятельность, направленная на расширенное воспроизводство образов, символов и знаков принадлежности

к месту. Иначе говоря, «настоящая» политика начинается тогда, когда отдельные индивидуумы и/или сообщества настолько чётко привязываются к месту, настолько ясно становятся оседлыми, что у них возникает необходимость как в образном и знаково-символическом отношении присвоения места, так и в его дальнейшем увеличении (расширении). Данная характеристика не противоречит другим определениям политики, связанным с понятиями власти, насилия и господства. По сути дела, и власть, и насилие, и господство как онтологические концепты связаны с пространственностью; пространство – непосредственное поле осуществления властных отношений, арена насилия и предмет господства. Политика в данном случае оказывается ментальным процессом пространственной концентрации, дифференциации и сегрегации по поводу власти в её, прежде всего, воображаемом аспекте, из которого проистекают и все остальные.

Место политики оказывается, как ни странно, достаточно размытым, достаточно слабо определённым тогда, когда начинаются активные процессы формирования территориальных идентичностей. Вновь формирующиеся иерархии территориальных идентичностей демонстрируют распад, разложение традиционной политики места постольку, поскольку растущие множества территориальных политических акторов создают разветвлённые дискурсивно-коммуникативные сосуществующие каналы распределения, разделения, рассредоточения власти по поводу места; место присваивается сразу многими одновременно, воображение места очень быстро увеличивается и расширяется, становясь предпосылкой для становления соппространственностей. Параллельно мы можем говорить о дискурсивно-коммуникативном присвоении различных в физическом плане мест одними и теми же территориальными сообществами и/или социальными группами. Таким образом, нарастание онтологических процессов размывания, нечёткости традиционных мест политики в эпоху позднего Модерна ведёт к становлению соппространственностей, которые маркируют множественные ментальные границы отдельных сообществ/людей по поводу конкретных мест и стратегий их воображения. В таких условиях «хозяином» политического дискурса может оказаться политический актор, который, с одной стороны, не имеет места (формально он может его обозначить, но фактический дискурс может явно или неявно продемонстрировать его отсутствие), а, с другой стороны, именно он может оказывать решающее или достаточно мощное воздействие на формирование множеств отдельных политик мест и по поводу мест. По всей видимости, эти процессы являются ключевыми для осмысления политики/политик Постмодерна.

УДК 316.346.32-053.6

А.Б.Неустроева¹

¹ Академия наук Республики Саха (Якутия), научный сотрудник

677000 г. Якутск, пр. Ленина, 33

aizok@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ): СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье анализируется социально-экономическое положение молодежи Республики Саха (Якутия). На основе проведенного социологического исследования в 9 районах Якутии и в г. Якутске оценивается уровень и качество жизни молодых людей, выявляются доминирующие проблемы, ценностные ориентации и нравственные установки молодежи, определяется положение молодежи на рынке труда, описывается структура досуга, отношение к здоровому образу жизни.

Ключевые слова: молодежь, социально-экономическое положение, социологическое исследование, уровень жизни, субъективное материальное положение, жилищные условия, ценности, жизненные цели.

A.B.Neustroeva¹

¹ Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), researcher

677000 Yakutsk, 33, Lenin av.

aizok@mail.ru

SOCIAL AND ECONOMIC SITUATION OF YOUTH IN SAKHA REPUBLIC (YAKUTIA): SOCIOLOGICAL ANALYSIS

The analysis of social and economic status of the young people of The Republic of Sakha (Yakutia) is carried out on the base of the results of sociological poll. Subjective evaluation of level and quality of life, satisfaction with financial status, housing conditions, values and moral principles of young people, the position of young people in the labor market, attitude towards a healthy lifestyle are revealed.

Key words: Youth, social and economic status, case study, the level of life, subjective financial status, living conditions, values and life goals.

Введение

Социально-демографическая группа «молодежь» – это достаточно широкая социальная группа, которая различается по образу жизни, потребностям, интересам, уровню образования, видам занятий, ценностно-моральным качествам и т.д.

В Российской Федерации к молодежи официально относятся люди в возрасте от 15 до 30 лет. Этот возрастной диапазон используется при составлении государственной статистической информации по молодежи и, в соответствии со стандартами ООН и рекомендациями МОТ, разбивается на три возрастные категории: дети и подростки – 15-19 лет, из них к «детям» относят население в возрасте 15-17 лет; молодые взрослые – 20-24 лет; взрослые – 25-29 лет. По определению, принятому в ООН, к молодежи относятся лица в возрасте от 15 до 24 лет, а во многих российских и зарубежных исследованиях молодежный возраст определяется, начиная с 14 лет.

Молодежь характеризуется особой ролью в демографическом воспроизводстве, высокой подвижностью, энергичностью, инновационностью, неопределенностью социального поведения, подвижностью ценностных ориентаций, что приводит к тому, что молодежь в большей степени, чем другие возрастные группы, незащищена от разнообразных рисков и влияний в социально-экономической, политической, идейной и культурной сферах. Положение молодежи в современном обществе достаточно противоречиво, с одной стороны это самая мобильная часть общества, обладающая наиболее быстрыми темпами возрастающей социально-профессиональной и образовательной мобильности, с другой стороны, для молодежи в большей степени характерны такие девиации, как бедность, преступность, безработица, преимущественно развлекательная направленность жизненных ценностей и интересов.

Следует отметить, что молодежь всегда являлась одной из наиболее социально незащищенных групп населения, которая в первую очередь испытывала на себе как позитивные, так и негативные эффекты происходящих в обществе перемен. Проблема молодежи является многогранной, что предопределяет необходимость использования обширной информации. На уровне макроэкономического анализа и государственного управления можно получить такие статистические показатели, как демографические показатели, экономическая активность, образование, уровень жизни, досуг и правонарушения. Однако только социологические исследования позволяют более углубленно изучить социальное явление с помощью количественных и качественных методов, что имеет особую научную и практическую ценность.

Целью данной статьи является социологический анализ социально-экономического положения молодежи в Республике Саха (Якутия). Потребность

в анализе положения молодежи в социально-экономической структуре Республики Саха (Якутия) обуславливается следующими важными обстоятельствами, во-первых, в республике доля молодежи составляет 26% от всего населения региона, во-вторых, в условиях северного региона всегда остро стояла проблема нехватки трудовых ресурсов, что требует оптимального использования северного трудового потенциала молодежи, в-третьих, молодежь – это будущее и от его стартовых условий деятельности зависит последующее развитие региона.

Методика и методы исследования

Исследование основано на результатах социологических опросов, проведенных в 2011-2012 гг., основной целью которых являлось изучение проблем молодежи Республики Саха (Якутия). Объектом исследования являлись представители основных социальных групп молодежи в возрасте от 14 до 30 лет, проживающие на территории Республики Саха (Якутия).

Основной спецификой молодежи как социально-демографической группы являются не только ее возрастные границы, но и социальный статус. Именно поэтому в исследовании выделялись 3 различные поколения молодежи, которые соответствовали различным периодам в жизни человека: школьники, студенческая молодежь и работающая молодежь. В соответствии с объектом исследования были разработаны 3 разные анкеты, которые включали более 50 вопросов по следующим блокам: уровень жизни, жилищные условия, имущественная обеспеченность; самооценка материального положения, социальное самочувствие; профессиональное самоопределение и проблемы образования; доминирующие проблемы молодежи; ценностные ориентации и нравственные установки; молодежь на рынке труда, удовлетворенность трудом; структура досуга, отношение к спорту и здоровому активному образу жизни.

Опрос проводился методом личных интервью респондентов с применением многоступенчатой квотированной половозрастной выборки. Выборочная совокупность социологического исследования за 2 года составила 1896 респондентов, в том числе в 2011 году – 708 человек, в 2012 году – 1187 человек. Всего за 2 года было обследовано 9 районов и г. Якутск: Амгинский, Вилюйский, Горный, Кобяйский, Намский, Нюрбинский, Олекминский, Сунтарский, Чурапчинский, районы.

В соответствии с генеральной совокупностью, большая доля молодежи была опрошена в г. Якутске (66%). В опросе участвовали 1119 девушек и 708 юношей. По возрастному признаку были выделены 5 групп молодежи: подростковая – от 13 до 15 лет; предъюношеская – от 16 до 18 лет; раннеюно-

шеская – от 19 до 21; среднеюношеская – от 22 до 24; старшеюношеская – от 25 до 30 лет. Наибольшую долю опрошенной молодежи составили юноши и девушки в возрасте от 16 до 18 лет (41,1%).

Результаты исследования

Одной из главных задач социологического исследования являлось изменение экономического благополучия молодежи Якутии. В опросе использовался, во-первых, объективный подход, при котором определялся уровень доходов респондентов, который сравнивался с уровнем прожиточного минимума региона и уровнем желаемого дохода, и во-вторых, субъективный подход, при котором респондентам предлагалось самим оценить уровень их материального положения, также выявлялись удовлетворенность уровнем жизни и субъективное восприятие собственного материального положения.

Анализ полученных данных показал высокую долю молодежи с доходами ниже величины республиканского прожиточного минимума, 50,8% молодежи имели доходы ниже прожиточного минимума, средний душевой доход молодежи в республике на момент опроса составил 16280,8 руб. или 1,45 ПМ. В зависимости от статуса респондента средний доход сильно варьировался: среди работающей молодежи он составил 21011,85 руб. (1,87ПМ), среди студентов – 8978,79 руб. (0,79ПМ). Существенные различия в уровне денежных доходов можно наблюдать среди городской и сельской молодежи. Сельская молодежь была беднее, средние доходы сельчан были на 5794 рублей меньше, чем средние доходы городской молодежи.

Анализ децильного распределения среднего ежемесячного дохода и желаемого среднемесячного дохода работающей молодежи показал, что 10% самых бедных молодых работников (граница первого дециля), к которым относились неквалифицированные низкооплачиваемые профессии, получали 9850 рублей, в то время как желаемый доход составлял 24800 рублей в месяц. В среднем пятом дециле работающая молодежь с доходами 17000 рублей, хотела бы иметь доход 40000 рублей в месяц. В самом верхнем девятом дециле 10% благополучных работающих молодых людей имели средний доход 30400 рублей, желаемый доход равнялся 100000 рублей в месяц.

Анализ расходов молодежи показал, что 19,1% респондентов за последние три года не пользовались за счет собственных средств или средств семьи ни одними из перечисленных видов услуг. Остальные молодые люди чаще всего пользовались платными медицинскими услугами (37,8%), тратили деньги на строительство или покупку жилья (22,5%) и на туристические или образовательные

поездки за рубеж (21,7%). Городская молодежь чаще тратила деньги на платные образовательные услуги и туристические поездки, а молодежь, проживающая на селе, чаще тратилась на строительство жилья и медицинские услуги.

Немаловажным методом оценки материального положения и уровня жизни является использование оценочных суждений респондентов об уровне благосостояния и о месте в социальном пространстве. Оценочные вопросы являются ключевыми с точки зрения самоопределения респондентов на социально-экономической шкале, так как они позволяют «замерить» не только субъективное представление о достатке как таковом, но и определяют самочувствие, связанное с тем или иным уровнем возможностей молодого человека [9]. Ранжирование ответов на субъективные оценочные вопросы о материальном положении и уровне текущего потребления молодежи позволило выделить следующие группы – «неимущие», «бедные», «малообеспеченные», «обеспеченные», «состоятельные» (рис. 1).

Рисунок 1 – Материальная дифференциация молодежи на основе субъективной оценки

Слой «неимущих» и «бедных» молодых людей с самыми низкими показателями социального самочувствия в нашем исследовании составил 17,6%. Для «неимущих» (2,7% или 32 человека) был характерен наиболее низкий уровень текущего потребления, ограничение себя даже в еде и полное отсутствие средств для улучшения своего существования. Средний фактический доход респондентов, оценивших собственное материальное положение, как «неимущие», составил 8607 руб., что составило 0,76ПМ. Если же анализиро-

вать медианный доход данной группы, который является более точным показателем, то он был еще меньше и составил 6000 руб. или 0,53ПМ.

Доля субъективно «бедной» молодежи в исследовании составила 14,9% или 193 человек. Денег данной группы хватало только на еду и другие повседневные затраты, а покупка одежды уже вызывала большие затруднения. В исследовании средние фактические доходы данной группы составили 10380 руб. или 0,92ПМ, медианные доходы составили 8000 руб. или 0,71ПМ.

Доходы субъективно «малообеспеченной» молодежи хватало на повседневные затраты, однако затруднительным является покупка вещей длительного пользования, в исследовании данный слой составил 28,9% или 375 человек. Средние доходы малообеспеченной молодежи составили 13025 руб. или 1,16ПМ, медианные доходы были равны 10000 руб. или 0,89ПМ. «Малообеспеченная» молодежь находится в области социального риска и при незначительных ухудшениях экономической ситуации может максимально приблизиться по уровню жизни к «бедным» и «неимущим».

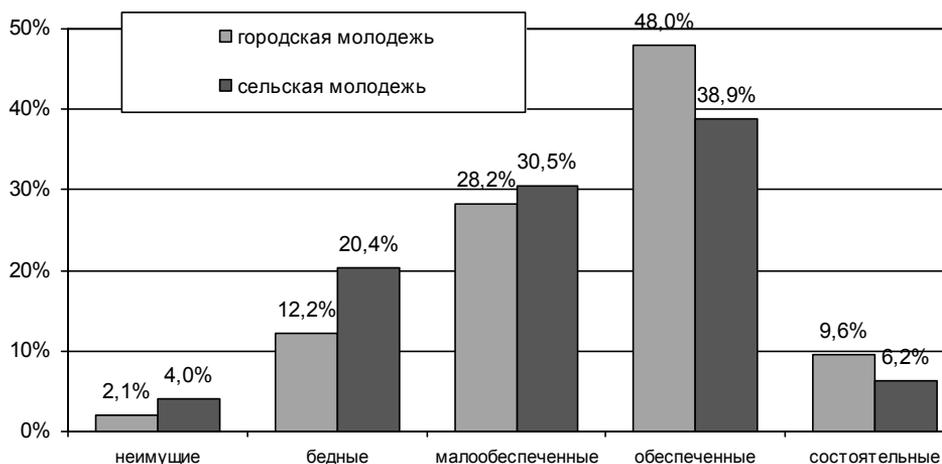
Наиболее многочисленной в нашем исследовании была группа «обеспеченной» молодежи, составившая 45% от всех респондентов или 513 человек. Данная группа имеет приемлемый уровень жизни, в основном, доходов хватает на средний уровень жизни, однако для покупки дорогостоящих предметов (например, недвижимости) нужно было брать в долг, либо пользоваться кредитом. Средние фактические доходы обеспеченной молодежи в опросе составили 19135 руб. или 1,7ПМ, медианные доходы были равны 15000 руб. или 1,34ПМ.

Самый верхний слой объединяет наиболее успешных «состоятельных» молодых людей (8,5% или 89 человек), которые могли себе позволить себе высокий уровень жизни. Средние фактические доходы состоятельной молодежи были равны 31106 руб. или 2,77ПМ, в то же время медианный доход был не таким высоким и составил 16000 руб. или 1,42ПМ.

Молодые люди могут считать себя бедными, а по уровню доходов ими не являться, и наоборот. Более 34% молодежи с доходами ниже ПМ считали, что они «обеспеченные» и «состоятельные». В группе молодежи с фактическими доходами выше прожиточного минимума 17,7% отнесли себя к «неимущим» и «бедным».

Увеличение доли малообеспеченной молодежи происходило за счет сельских респондентов (рис. 2). Если сравнивать самооценки материального положения городской и сельской молодежи, то среди сельских представительниц молодого поколения была выше доля оценивавших собственное экономическое положение, как «неимущие», «бедные» и «малообеспеченные», а среди городских – «обеспеченных» и «состоятельных».

Рисунок 2 – Распределение молодежи в зависимости от оценки ими материального положения и места жительства

Анализ удовлетворенности собственным уровнем жизни показал, что 66% молодых людей были удовлетворены своим положением, остальные 34% выказали свое недовольство низким уровнем жизни. Наибольшее недовольство своим материальным положением выразила работающая молодежь.

Далее респондентам было предложено по 10-бальной шкале оценить собственное материальное положение на данный момент и свое будущее положение через 10 лет, где 1 – это нищета, а 10 – это богатые. Молодежь была настроена вполне оптимистично относительно собственного будущего. В среднем по всей выборочной совокупности респонденты считали, что они и их семья на момент опроса занимает 7 пункт, а через 10 лет будет занимать 9 пункт. Наибольшая доля молодежи была склонна соотносить свою семью на шкале благополучия с 8 рангом (19,2%).

Большинство работающих молодых людей испытывало материальные затруднения и располагались в диапазоне нижних позиций шкалы материального благосостояния. Не смотря на это, работающие молодые люди были настроены довольно оптимистично насчет своего благополучия в будущем – почти половина из них ожидала, что через 10 лет они будут занимать высокое положение.

Важной характеристикой социально-экономического положения молодежи являются жилищные условия. Наличие недвижимости для молодежи является наиболее значимым “запасом прочности”, уверенности в будущем, особенно для городской молодежи. Недостаточная обеспеченность

молодежи благоустроенным жильем, его очень низкая доступность является одной из основных причин снижения рождаемости, откладывания времени вступления в брак, увеличения числа разводов. В среднем, по выборке в отдельной собственной квартире или частном доме проживало 47,1% опрошенных молодых людей, в квартире, находящейся в собственности родственников – 22,3%, снимали жилье — 11,8% молодежи, проживали в общежитии — 12,4%, другое указали 0,8% опрошенных.

Среди работающей молодежи всего 30% могли похвастаться наличием собственного жилья, 37,2% жили с родными, 22% снимали квартиру, 3,1% жили в общежитии.

Исследование показало, что 53,3% работающей и студенческой молодежи жили отдельно от родителей, 41,8% опрошенных респондентов жили с родными. Среди работающей молодежи 38,1% жили с родителями, среди студентов – 43,4%.

Подавляющее большинство опрошенных представителей молодого поколения были удовлетворены существующими коммунально-жилищными условиями. Только 8,6% молодых людей были совершенно не удовлетворены качеством жилищно-коммунальных услуг и 18,2% ответили, что «они скорее не удовлетворены». Остальные 56% молодежи определили качество жилья, как вполне удовлетворительное. Менее всего были недовольны работающие молодые люди такими аспектами, как малой площадью жилья, неустойчивым быта, вынужденным совместным проживанием с родственниками.

Во все времена молодое поколение сталкивалось с проблемами, которые принято называть «молодежными»: это отсутствие стартовых возможностей, жилье, молодая семья, досуг, низкое материальное положение и др. Рассмотрим, как сама молодежь представляет себе свои проблемы, какие видим пути выхода из них, от кого ищет помощи.

Только 12% молодежи в момент опроса ответили, что у них нет никаких проблем. На первом месте были проблемы в социально-экономической сфере: большинство молодых людей были обеспокоены своим низким материальным уровнем жизни (36,3%). Далее следовали неуверенность в себе, в своем будущем (33,8%), проблемы образования (32%), безработица (28,6%). Проблема высокой преступности была актуальна для 27% респондентов.

Другой вопрос в исследовании звучал следующим образом: «Какие проблемы молодежи, на ваш взгляд, должны быть решены в первую очередь?» В 59,2% случаев молодые люди выбрали вариант ответа «создание рабочих мест для молодежи». Более 42,4% респондентов хотели бы получить помощь в решении жилищной проблемы. Материальную поддержку для малоиму-

щей молодежи и молодых семей отметили 40% респондентов. Для школьников большое значение имело решение таких проблем, как помощь в получении образования и приобретении профессии (42,7%), обеспечение безопасности (27,6%), развитие условий для отдыха и развлечения молодежи (12%), обеспечение доступности занятий физкультурой и спортом (13,3%), защита прав молодой личности от произвола со стороны взрослых (16,5%). Работающая и студенческая молодежь кроме указанных выше проблем, отметила, что необходимо поддерживать молодежное предпринимательство (21,1%) и обеспечивать психологическую поддержку молодым людям и молодым семьям (14,2%).

В социологическом опросе большой блок вопросов был направлен на изучение ценностных ориентаций молодежи (терминальных и инструментальных ценностей), выявления отношения к труду, работе, к окружающей действительности.

Набор основных ценностных ориентаций для современной молодежи составляют шесть терминальных ценностей: счастливая семья, уверенность в себе и будущем, здоровье и здоровый образ жизни, друзья, обеспеченная жизнь, хорошая интересная работа. Наименее значимые для молодежи были такие ценности, как «творчество», «любовь», «общая хорошая обстановка в стране, сохранение мира», «удовольствия, досуг». Среди инструментальных ценностей для молодежи были важны такие личностные черты, как верность, честность, доброта, искренность, ответственность, открытость.

С целью выявления оценок молодежи относительно реальных возможностей некоторых социальных действий был задан вопрос: «Как по-вашему мнению изменилась ситуация в Республике Саха (Якутия) по нижеперечисленным пунктам за последние 10 лет?» По мнению большинства респондентов «стало легче» только в двух случаях: следить за своей внешностью, здоровьем и вести домашнее хозяйство. По остальным пунктам молодежь чаще отвечала, что «стало труднее». Так, подавляющее большинство респондентов уверены, что у них низкие реальные возможности самостоятельно найти работу и занять руководящую должность, стало труднее уберечься от насилия, воспитывать и растить детей. Молодежь также отметила ограниченность своих самостоятельных возможностей в реализации себя в бизнесе, получении желаемого образования и возможности устроить свою личную жизнь. Чтобы добиться перечисленного большинство молодых людей нуждалось в поддержке родных или со стороны государства.

Отношение молодежи к труду является определяющим в формировании его стереотипа поведения на рынке труда. Современная экономическая ситуа-

ция привела к приоритету системы жизненных ценностей, которые обеспечивают успешное поведение на рынке труда: молодежь стремится обеспечить себе высокий социально-экономический статус в структуре общества, понимая, что для этого необходимо вложить «максимум трудовых затрат». Труд молодежи в первую очередь воспринимается как единственный источник существования, во-вторых, как важнейшая часть жизни и возможность проявить себя. Анализ отношения молодых людей к труду и работе показал, что современная молодежь является активной, понимающей, что рынок труда представляет возможности только в соответствии с приложенными усилиями.

Определяющим фактором при выборе специальности, профессии для 30,8% студентов и работающей молодежи стал тот факт, что профессия им нравилась. На втором месте был вариант ответа «так получилось». Настораживает высокая доля молодежи, выбравшей профессию по случайности, каждый четвертый. Это говорит о том, что во время обучения в школе ученик не получил достаточной профессиональной ориентации ни от учителей, ни от родителей. Выбор профессии не был спланирован, а зависел от совершенно случайных факторов. Это в последующем приводило к неудовлетворенности выбранной профессией, работой, молодому человеку приходилось переобучаться, получать другую специальность. Более 58% респондентов хотели бы сменить выбранную ими раннее профессию.

При определении «идеальной работы» наиболее значимым был размер зарплаты, на втором месте стоял интерес к работе, возможность реализовать свои способности, на третьем месте перспектива карьеры. Наименее значимыми для молодежи при выборе работы были выплата всей зарплаты официально, своевременность выплат, местонахождение и график работы. Для работающей молодежи ценность места работы определялась в первую очередь содержанием труда и возможностью реализации своих способностей, на втором месте был уровень оплаты труда. Для студентов, наоборот, наиболее ценны были именно материальные аспекты труда, а интерес к работе стоял на втором месте.

Для студентов был характерен следующий стереотип поведения на рынке труда: подработка в свободное от учебы время, которая бы приносила максимум дохода, при этом трудоустройство по специальности имело значение только для 12,5% студентов. Чаще всего студенты работали на таких низкоквалифицированных работах, как гардеробщик, грузчик, продавец, курьер, санитар, медсестра, официант, охранник, волонтер, уборщик, разнорабочий, администратор и др. Юноши-студенты чаще совмещали учебу с работой, тогда как девушки старались не отвлекаться от учебы. Чем выше был курс обучения, тем чаще студент совмещал учебу и работу.

Среди подростков доля работавших в летнее время либо в свободное от учебы время в исследовании составила 48,1%, то есть каждый второй старшеклассник имел трудовой опыт. Чаще всего подростки трудились водителями в школьном лагере, волонтерами, цветоводами, уборщиками, нянями, официантами, артистами, грузчиками, дворниками, кондукторами. Многие подростки работали у родителей, либо у родственников, помогали в семейном бизнесе. Часть подростков занималась сетевым маркетингом. Многие подростки смогли поработать летом в деревне на сенокосе, либо доярками.

В анкету были включены вопросы, характеризующие досуг молодежи. Как показал опрос, молодежь в большинстве своем предпочитала отдыхать вне дома: гулять с друзьями, посещать концерты, кафе, кино, ходить в клубы, заниматься спортом, проводить время в торговых центрах, посещать библиотеки, ходить в различные секции и т.д. Не последнее место в структуре досуга молодежи занимал Интернет, в том числе виртуальное общение через Интернет, чтение интересных ссылок, просмотр видео, игры и т.д. Для молодежи было характерно стремление к получению большей и разнообразной информации, именно поэтому Интернет, как средство информации, средство обучения и как форма развлекательного заполнения досуга, занимает первое место. В среднем работающий молодой человек в день тратил на Интернет 2 часа. Студенты в среднем в день просиживали в Интернете около часа. Школьники на Интернет тратили больше всего своего свободного времени, в среднем 4 часа каждый день. Следует отметить, что чаще всего Интернет как средство времяпровождения и досуга на первое место ставила городская молодежь, для которой данный вид был более доступен, нежели чем для сельской молодежи.

Одним из главных факторов, влияющих на здоровье молодежи, является курение и потребление алкоголя. Среди респондентов доля курящих составила 44%. По данным опроса, 34,8% работающей молодежи курила регулярно; доля студентов, являющихся регулярными курильщиками, составила 24%; среди школьников доля регулярных курильщиков составила – 8,7%.

Опрос показал, что потребление алкоголя начинается в молодом возрасте, 8,4% молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет в Республике Саха (Якутия) регулярно (почти каждый день) потребляют алкоголь. Среди школьников 3,8% ответили, что 1-2 раза в неделю, и почти каждый день употребляли в основном пиво. Среди студентов подавляющее большинство выпивало только по праздникам. Каждый третий студент предпочитал пиво. Наиболее пьющей была работающая молодежь, среди которой 13,5% ответили, что выпивают 1-2 раза в неделю, а 1,6% выпивал почти каждый день.

Следующие вопросы выявляли такую социальную девиацию, как употребление наркотиков. В общем, по всей выборочной совокупности 6% респондентов пробовали наркотические средства. Отказались от ответа 1,2% респондента. Наиболее высокая доля попробовавших наркотики была среди студентов (7,7% или 60 человек). Среди работающих 5,6% или 18 человек и среди школьников 4,4% или 34 человек также имели наркотический опыт.

17,1% молодых людей имели знакомых среди наркоманов, 0,6% респондентов ответили, что наркотики принимают их родственники. Почти у каждого пятого школьника были не близко знакомые наркоманы, 6 школьников имели родственников-наркоманов.

Таким образом, молодежь Республики Саха (Якутия) можно охарактеризовать как активную, целеустремленную, мотивированную на образование и труд и готовность учитывать требования рынка труда, придерживающейся здорового образа жизни. К сожалению, на момент опроса были выявлены такие тревожные настроения в молодежной среде, как чувство неуверенности, нестабильности, незащищенности и социальной несправедливости. Большинство молодых людей сталкивалось с множественными проблемами в своей жизни среди которых на первом месте стояли бедность и недостаток денег, проблемы с работой, жилищные проблемы и т.д., и несмотря на то, что они прилагали огромные усилия к самостоятельному их решению, совершенно очевидно, что результаты зависели от общей социально-экономической ситуации и политики, проводимой государством. Только целенаправленное систематическое участие государства и всех ветвей власти в жизни молодого поколения сможет разрешить перечисленные проблемы молодежи. Важно подчеркнуть, что создание комфортных социальных условий и обеспечение высокого уровня и качества жизни молодежи, безусловно, будет способствовать экономическому, культурному и духовному развитию всего населения региона и России.

Литература

1. Зубок, Ю.А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социс. – 2003. – № 4.
2. Молодежь России: социальное развитие / под ред. В.И. Чупрова. М., 1992.
3. Социология молодежи: Учебник / Под ред. проф. В. Т. Лисовского. СПб: Изд-во С. - Петербургского университета, 1996. – 460 с.
4. Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия). 2011: Статистический сборник / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). – Якутск, 2011. – 198 с.
5. Молодежь в России. 2010: Стат. сб./ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010. – 166 с.

УДК 316.334.52:364:48

Г.А.Гнатюк¹, А.П.Итегелова²

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, профессор
677000 Россия, г. Якутск, ул. Белинского, 58

² Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, аспирант
677000 Россия, г. Якутск, ул. Белинского, 58

itegelova@mail.ru

НАСЕЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

В статье изучены демографические факторы, влияющие на развитие сферы обслуживания в Республике Саха (Якутия).

Ключевые слова: население, социальная инфраструктура, демографический потенциал, естественный прирост, городское и сельское население.

G. A. Gnatiuk¹, A.P. Itegelova²

¹ M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Associate Professor
677000 Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Belinskiy str, 58
ga.gnatiuk@s-vfu.ru

² M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, student
677000 Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Belinskiy str, 58
itegelova@mail.ru

THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA) AS A FACTOR OF THE DEVELOPMENT OF SOCIAL INFRASTRUCTURE

The article examines the demographic factors affecting the development of the service sector in the Republic of Sakha (Yakutia).

Key words: population, social infrastructure, demographic potential, natural growth, urban and rural populations.

Одним из условий формирования и развития социальной инфраструктуры является демографическая составляющая населения (потребителя услуг)

региона. Учёт возможно большого числа региональных демографических факторов служит необходимым условием ее успешного развития. При характеристике демографических условий наиболее важным являются не разрозненные демографические показатели, а их общая оценка – демографический потенциал. Он характеризует возможность воспроизводства населения, ожидаемую продолжительность жизни; миграционную подвижность, половозрастную и семейную структуру, уровень образования населения, распределение населения на городское и сельское.

Численность населения Якутии за рассматриваемый период имеет заметные изменения, что соответствует этапам её хозяйственного освоения. (рис. 1)

Рис. 1. Численности населения РС (Я) за 1980-2012 гг. (тыс. чел, на начало года)

В начале XX века на территории Якутии проживало всего 250 тыс. жителей. Интенсивное развитие хозяйства в 30-е и 60-е годы 20-го столетия с привлечением рабочей силы из-за пределов республики, привело к значительному росту населения. Процесс увеличения численности населения шел по нарастающей и в 1991 году она достигает своего максимума - 1119,0 тыс. человек. Особенно быстрыми темпами увеличивалось городское население (таб. 1).

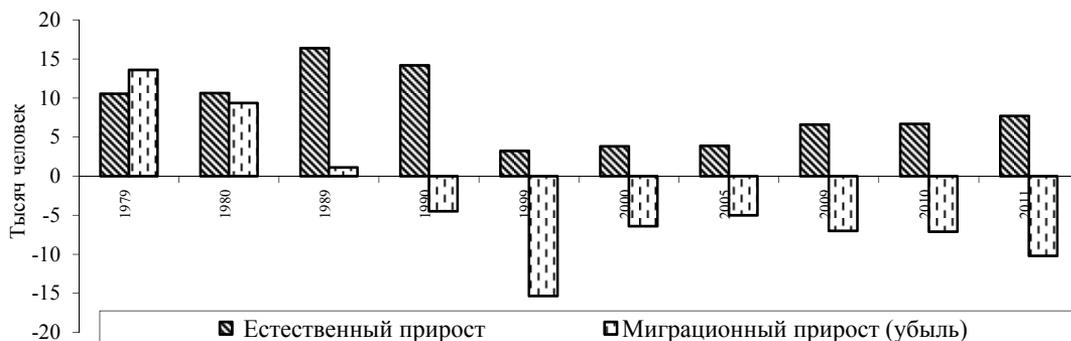
Таблица 1

Соотношение городского и сельского населения по годам переписей (в процентах) [1,3]

годы	население		годы	население	
	городское	сельское		городское	сельское
1917	4,4	95,6	1979	61,3	38,7
1926	5,3	94,7	1989	66,9	33,1
1939	26,9	73,1	2002	64,3	35,7
1959	48,9	51,1	2010	64,1	35,9
1970	56,4	43,6	2012	64,6	35,4

До 80-ых годов двадцатого столетия среднегодовые темпы прироста городского населения были на уровне 4,4 %, а с 1985 г. до 1992 г. городское население увеличивалось в среднем по 1,7 % в год. Снижение темпов среднегодового прироста городского населения происходило на фоне уменьшения общей численности населения республики. Несмотря на это, в городской местности в настоящее время проживает большая половина населения Якутии.

Наиболее существенной тенденцией демографического развития республики в последующее время стало сокращение абсолютной численности населения. Общее сокращение численности населения за период с 1991-2002 гг. составило около 170 тыс. человек. Миграционный отток населения не компенсировался одновременно снижавшимся естественным приростом населения. Доля миграционной компоненты в общем приросте населения увеличивалась, тогда как естественный прирост сократился (рис. 2).

Рис. 2. Динамика компонент изменения численности населения с 1979-2011 гг. (тыс. чел.)

Начиная с 2002 г. отмечается замедление темпов роста численности населения, что связано с изменением характера миграционной подвижности. Если с 1990 до 2002 года для Якутии было характерно резкое сокращение как прибытия так и выбытия населения, то с 2002 г. в выбытие населения происходит относительное выравнивание данных показателей (табл. 2).

Таблица 2

Изменения численности выбывшего и прибывшего населения (тыс. чел.) [2,3]

	1990	2000	2001	2002	2005	2010
Прибыло	59,2	28,7	35,1	22,0	19,1	14,5
Выбыло	62,5	35,1	32,5	27,8	24,2	21,7

Существенные изменения наблюдаются в соотношении городского и сельского населения. По данным переписей 1959 - 1989 гг. численность городского населения выросла с 49,1% до 66,9% (более чем на 49 тыс. чел.) в основном за счет миграционного притока населения из-за пределов республики. Приток населения в сельскую местность невелик, а с 1990 года миграционные процессы становятся основным фактором сокращения общей численности и численности сельского населения республики.

Якутия занимает 9 место среди субъектов России по показателю естественного прироста. Это один из многих её субъектов, где в годы кризиса сохранился положительный естественный прирост (табл. 3)

Таблица 3

**Естественный прирост населения
(на 1000 человек) [2,3]**

	1990	1995	2000	2002	2005	2010	2012
Российская Федерация	2,2	-5,7	-6,6	-6,5	-5,9	-1,7	-0,3
Республика Саха (Якутия)	12,7	5,5	4,0	4,4	4,1	7,0	7,9
Дальневосточный Федеральный округ	7,2	-2,4	-3,5	-3,3	-3,8	-0,6	0,5

Однако, достигнув максимума в 1985 г. (15,5 ‰) в изменении естественного прироста начинает проявляться тенденция его сокращения. В 90-ые годы наблюдается резкое падение и в 2001 году, он достигает своей нижней отметки 3,7 ‰ после чего вновь отмечается незначительный рост.

Республика Саха (Якутия) характеризуется относительно высоким уровнем рождаемости по сравнению с средним российским уровнем. С 1990 по 2006 гг. общий коэффициент рождаемости (16,8 ‰). Среди субъектов РФ она занимала 7 место в 2010 г. Коэффициент рождаемости населения Якутии значительно превосходит средний российский показатель (РФ – 12,5 ‰, ДВФО – 13,2 ‰) (табл. 4)

Таблица 4

**Рождаемость населения РС (Я)
(на 1000 человек) [2,3]**

	1990	1995	2000	2005	2010
Все население	19,4	15,3	13,7	14,3	16,8
в т.ч. городское	16,4	12,7	12,3	13,8	16,5
Сельское	25,5	20,0	16,1	15,1	17,4

Ход изменения уровня рождаемости во многом повторяет характер изменения естественного прироста. Всплеск рождаемости в 1985 г. до 22,8 ‰ сменяется в 90-ые годы её снижением до 13,7 ‰ в 2000 году. Дальнейший подъем рождаемости в большей степени характерен для горожан, чем для селян. Ориентация на низкую рождаемость для большинства, как городского так и сельского населения республики всё более укореняется в образе жизни и системе ценностей проживающего на территории республики населения. Ориентация женщин на малодетность становится нормой поведения.

Смертность населения республики характеризуется также значительной изменчивостью. Уровень смертности населения с 1950 по 1965 гг. значительно снизился (соответственно с 20,7 ‰ до 8,2 ‰). В последующие годы идет замедление процесса сокращения смертности. С 1985-1990 гг. отмечается второе заметное снижение смертности, когда она достигает наименьших значений для городского населения – 6 ‰ и сельского – 8,2 ‰ (табл. 5). Затем идет вновь повышение уровня смертности почти во всех возрастных группах трудоспособного возраста, что ведет к потере демографического потенциала. Наибольшее снижение смертности в этот период заметно в самых младших и старших возрастных группах. Смертность мужчин значительно превышает смертность женщин.

Таблица 5

**Смертность населения РС (Я)
(на 1000 человек) [2,3]**

	1990	1995	2000	2005	2010
Все население	6,7	9,8	9,7	10,2	9,8
в т.ч. городское	6,0	9,9	9,8	10,1	9,9
Сельское	8,0	9,6	9,5	10,3	9,6

Главными причинами естественной смертности на 2010 г. являлись – болезни системы кровообращения (46,3 ‰), онкологические заболевания (13,5 ‰), смертность от неестественных причин составляла 20,0 ‰ и наиболее характерной была для городской местности.

Интегральным показателем смертности и качества жизни населения является показатель средней ожидаемой продолжительности жизни. Продолжительность жизни населения республики всё ещё остается значительно ниже, чем в среднем по России. В 2000 г. продолжительность жизни населения по России составляла 65,4 года, по республике – 63,7 лет, а по Дальневосточному федеральному округу – 63,2 года. Анализ продолжи-

тельности жизни женщин и мужчин показал заметную дифференциацию между показателями у мужчин и женщин: соответственно 59,7 лет и 72,0 года. Жизненный потенциал женщин на 29 % выше, чем у мужчин [1]. Продолжительность жизни мужчин – селян, значительно выше, в то время как женщины – горожанки в среднем живут дольше.

Возрастная структура населения республики является отражением репродуктивного поведения населения и характера его миграционной подвижности. Знание её очень важно при прогнозировании численности потенциального потребителя, проектирования и планирования объектов социальной инфраструктуры.

Первые достоверные сведения о возрастном и половом составе населения были получены в результате переписи населения 1897 года. Для этого периода было характерно незначительное превышение доли мужского населения (51,7 %) над женским (48,3 %). Преобладание доли мужского населения над женским, зафиксированное данной переписью населения определялась главным образом, высокой смертностью женщин, особенно в молодом репродуктивном возрасте, внешний механический приток населения извне был невелик.

В дальнейшем развитие производительных сил территории республики на основе принципа как можно большего привлечения профессиональных кадров из-за пределов республики и специализация на добывающих производствах, изменили данную картину. В увеличивающемся потоке мигрантов стало преобладать мужское население в основном трудоспособного возраста. К 1939 году доля мужчин уже составляла 54,6 % (табл. 6). В настоящее время, на фоне сокращения численности мужчин в населении, число женщин увеличивается.

Таблица 6

Соотношение мужского и женского населения Якутии по данным переписей. [2,3]

годы	все население тыс. чел.	в том числе в %		на 1000 мужчин приходится женщин
		мужчины	женщины	
1939	413,8	54,6	45,4	891
1970	666,7	50,0	50,0	1001
1989	1094,1	50,4	49,6	984
2002	949,3	48,9	51,1	1045
2010	958,0	48,4	51,6	1068

Изменение возрастных групп населения, а также их соотношение (детей школьного и дошкольного возраста, младших, средних и старших возрастов трудоспособного и пенсионного возраста) очень важно при характеристике условий обслуживания поскольку с этим связаны величина потребности и характер некоторых видов услуг.

Анализ распределения численности населения по основным возрастным группам показывает, что в 1980-х годах численность детей в возрасте от 0-4 и 5-9 лет составляет соответственно (11,4%, 10,4%), лица среднего трудоспособного возраста – 22,3 % значительно выше чем других возрастных группам. По переписи 2002 и 2010 года заметно увеличение представителей более старших трудоспособных возрастов и сокращение групп дошкольного, младше трудоспособного возрастов. Такой показатель распределения численности населения по возрастным группам сохраняется и до 2013 года численность детей до 9 лет сокращается, в то время как отмечается устойчивое увеличение представителей возрастных групп начиная с 40-59 лет.

Интерес представляет характеристика распределения населения по возрастным группам, выделенным исходя из трудовой активности населения. Современная возрастная структура населения характеризуется высоким удельным весом трудоспособного населения (64,0 % - 2010 г.), что является положительным фактором для развития экономики. В то же время увеличивается прирост пенсионеров, меняется сама структура трудоспособного населения. В ней существенно возрастает удельный вес возрастных групп предпенсионного и пенсионного возрастов, что указывает на процесс старения населения (рис. 3).

Рис. 3. Изменения соотношения возрастных групп населения (в процентах)

О процессе старения населения Якутии свидетельствует и динамика среднего возраста её жителей (таб. 7). По сравнению с Россией и ДВФО, в Якутии средний возраст жителей ниже (РФ – 37,1 года, ДВФО – 33,1 года) средний возраст городского жителя более чем на 2 года больше, чем сельского. Для мужчин этот показатель равен 31,7 лет, женщин – 34,4 года (2010 год).

Происшедшие изменения в демографических процессах повлияли на демографическую нагрузку населения.

Таблица 7

**Средний возраст населения
(на начало года, лет) [2,3]**

	1989	1990	1995	2000	2002	2005	2010
Все население	27,6	27,9	29,5	30,8	31,4	32,0	33,1
в т.ч. городское	28,0	28,3	30,2	31,7	32,3	32,7	33,6
Сельское	26,7	27,0	28,3	29,3	29,9	30,9	32,1

Увеличение численности трудоспособного населения привело к снижению показателя демографической нагрузки с 639,0 (1989 г.) до 558,9 (2010 г.) чел. на 1000 человек населения трудоспособного возраста.

Таблица 8

**Коэффициент нагрузки на трудоспособное население
(на начало года) [2,3]**

Годы	На 1000 чел. населения в трудоспособном возрасте приходится человек		
	все население	городское	сельское
1939	846,0	559,0	980,5
1959	766,8	561,7	1023,5
1970	796,4	584,0	1164,7
1979	611,6	505,4	814,7
1989	639,1	564,7	813,3
2002	574,7	484,1	756,5
2010	558,9	504,3	673,6

Коэффициент нагрузки на трудоспособное население в городской местности менялся в зависимости от направленности и интенсивности миграционных процессов. Самый высокий показатель демографической нагрузки наблюдался у сельского населения (табл. 8).

Образованность населения так же является немаловажным фактором в формировании потребления и потребностей населения. До второй половины XIX века большинство населения проживающего на территории Якутии было безграмотным, о чем свидетельствуют исторические факты и источники. В 1897 году грамотное население составляло 7,2 % от общей численности населения. Проводимые в республике мероприятия по ликвидации неграмотности привели к быстрому росту грамотности населения к 1926 г. – 16,0 %, 1939 г. – 80,5 %, к 2012 году индекс грамотности населения составил 99,9 %.

Потребительский спрос на услуги определяется также демографическим потенциалом семьи. Перепись населения 2010 года учла 330,6 тыс. частных домохозяйств (2002 г. - 305 тыс.чел), в которых проживало 947.7 тыс. человек (2002 г. – 938 тыс.чел.). Анализ частных домохозяйств за 2010 г. по числу членов в семье показал, что средней размер домохозяйств составляет 2,9 чел., это выше чем средний показатель по РФ (2,6 чел.) и ДВФО (2,5 чел.)

Таблица 9

**Распределение домохозяйств РС (Я) по числу членов
в % от общего числа домохозяйств. [2,3]**

	Количество членов домохозяйства (чел.)					
	1	2	3	4	5	6 и более
2002 г. всего по РС(Я)	17,5	27,7	29,0	23,3	11,1	8,9
в т.ч. городское	19,5	31,5	32,5	23,0	8,1	4,9
Сельское	13,1	19,5	21,6	24,1	17,3	17,5
2010 г. всего по РС (Я)	22,4	24,6	22,2	16,7	7,9	6,1
в т.ч. городское	25,0	26,6	23,0	15,7	5,9	3,7
Сельское	16,7	20,2	20,1	19,2	12,2	11,6

На фоне незначительного увеличения количеств домохозяйств, как в городской, так и сельской местностях происходит изменение их размеров. В городской местности заметно падение числа семей, имеющих двух и более детей и увеличение семей с одним ребенком. В сельской местности увеличивается численность двухчленных хозяйств (табл. 9). Происшедшие измене-

ния в семейной структуре населения определили потребность населения в жилищах различных типов, в предметах длительного пользования, снизили потребность в таких видах общественного обслуживания, как общественное питание, детские дошкольные учреждения и др.

Литература

1. Сукнёва, С.А., Мостахова, Т.С. Демографическое развитие региона: Оценка, прогноз, политика. – Новосибирск: Наука, 2002. – 192 с.
2. Статистический ежегодник Республики Саха, стат. сборник // Федер. Служба гос. статистики по Респ. Саха (Якутия), Якутск: 2012 г.
3. Якутия за 70 лет. Стат. управление Якутской АССР. — Якутск: 1987.

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ЭТНОС

(Материалы международной научно-практической конференции
«Адаптация общества и человека в арктических регионах
в условиях изменения климата и глобализации»,
25-26 ноября 2014 г., г. Якутск)

УДК 911:114

У.А. Винокурова¹

¹ Арктический государственный институт культуры и искусств, профессор
677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Орджоникидзе, 4

ЭКОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ АРКТИКИ

Природа – прекрасное живое существо, живущее по своим законам и правилам, в соответствующей экологической нише которой и живет человек. Экологическая ниша Арктики отличается экстремальными природно-климатическими условиями, что выдвигает высокие требования к адаптационным возможностям организма, психики и духовных качеств человека. Тем не менее следы человеческой деятельности в виде археологических памятников и наскальных рисунков на высоких широтах планеты имеют историю не менее 10 тысяч лет. Периодические изменения климата в Арктике не стали препятствием для человека, сумевшего выработать соответствующие интеллектуальные, духовные и социальные ресурсы для адаптации.

На наш взгляд, не только выживание, но и создание полноценной духовной жизни в условиях Арктики стало возможным благодаря особому мировоззрению арктического человека, которое мы называем экософией культуры Арктики.

Экософия – мировоззрение экологической гармонии, или экологического равновесия, выражается в двух предельных нормах – самореализации человека и биосферного равенства. Экософия нацелена на природосбережение и народосбережение, что особенно важно в изменяющихся условиях Арктики. Она основывается на Живом знании и Живой логике. Экологическая мудрость исходит из творческого гармоничного общения человека с природой, миром жизни, символами искусства творчества жизни.

Экософия, как мировоззрение, состоит из трёх частей:

1. Антропокосмоцентризм (Свет энергии);

2. Ценность смысла жизни (Добро и Творчество);
3. Красота.

Антропокосмоцентризм мировоззрения арктического человека исходит из необходимости предугадывать природные явления, чтобы эффективней адаптироваться к экстремальным условиям жизнеобеспечения. Астрономические и экологические знания сочетаются в едином опыте, учитывающем взаимосопряженность космических, земных и природных явлений, правильной переработке информации о движении, процессах, темпах, ритмах и их причинно-следственных связей, которых обеспечивала жизнеспособность человека.

Антропокосмоцентризм основывается на следующих постулатах, отличающих его от материалистической философии:

- Человек – не мера всех вещей, а часть живой природы;
- Человек – не царь природы, а всё живое на земле равноценно;
- Жизнь человека развивается по законам Вселенной, не только по законам развития человеческого сообщества.

Соответственно, смысл жизни человека исходит из необходимости утверждения жизни, её красоты в ответ на вызовы природы посредством познания её законов и творческой адаптации к ним, взаимопомощи людей и всего живого в познании, преодолении её суровой реальности и наслаждении жизнью на Земле как части Вселенной.

Все народы, создавшие устойчивые сообщества в условиях Арктики, выработали своеобразные эософские мировоззрения, этику поведения взаимопомощи, поэтизации живой жизни, составляющие социальные ценности эософии.

Социальные ценности культуры народов Арктики нацелены на сохранение жизнеспособности всего сообщества в окружающей социальной среде. Примером социальной ценности, направленной на сохранение благополучия и безопасности человека, являются обычаи *нимата*, *потлача*. Суть обычаев *нимата*, *потлача* состоит в том, что успешный добытчик делится ресурсами жизнеобеспечения с менее успешными охотниками, а также с немощными, многодетными. Эта форма взаимопомощи в повседневной практике проявляется также в обычае равного распределения коллективной добычи, например, в разделе добытой рыбы коллективными способами рыбалки (например, у саха – мунха), охоты на дикого оленя, диких гусей и уток.

Эософия культуры Арктики выработала своеобразную этику кочевой жизни. Так, у эвенов есть понятие «арчан», означающее поездку навстречу человеку, который заведомо может заблудиться в дороге. Дальние и длительные путешествия в условиях холода и трудностей добычи питания для

человека и корма для живого ездового транспорта выработали такое благословение у саха, которое обязательно проговаривается молодожёнам: «будьте семьей, обогревающей путника и кормящей голодного!»

Народы Арктики отличаются открытостью в общении с другими, прибывшими на постоянное поселение, с путешественниками и др. В таких случаях действовал обычай братания, предполагающий обмен взаимодополняющей продукцией и услугами, взаимоподдержку в необходимых ситуациях. Во время поездки в Ханты-Мансийский автономный округ весной 2013 года я наблюдала существование подобного обычая среди ненцев-оленьеводов и газовиков-приезжих. Брат-газовик обеспечивал тяжелогрузным транспортом для кочевков, а брат-тундровик, глава семьи, обеспечивал оленьим мясом и рыбой. При этом у газовиков существовала негласная конкуренция за право быть братом состоятельного ненца-оленьевода.

Условия Арктики предъявляют повышенные требования к психическим и духовным качествам человека, формирование которых происходит в процессе созревания индивидуальности. Так, модель человека саха формируется в три этапа:

- Первый этап – воспитание из ребенка «киһи хара» (букв. «человек черный»), то есть человека, достигшего умения самообслуживаться, но не освоившего еще Свет разума.
- Второй этап – воспитание «киһи киһитэ» («человек человека»), т.е. ставший полезным другому человеку, социализированный как Добротворящий человек.
- Завершающий этап – «киһилээх киһи», человек, живущий по законам Красоты, Света и Добра, способный вести за собой людей, излучая Свет энергии разума, ответственный за благополучную жизнь людей.

Мир человека Арктики сочетает творческую саморазвивающуюся индивидуальность с социально ответственным поведением. Гносеопсихологические исследования чукчей [1] обнаружили такие национально-психологические особенности, сформированные под влиянием географического положения и природно-климатических условий территории, как преобладание образного мышления, высокий уровень адаптивности к внешним проявлениям, т.е. умение выживать в труднейших условиях для жизни, способность переносить большие трудности, умение довольствоваться малым, трудолюбие, работоспособность, знание природы и специфики природопользования, простота, выносливость, ловкость, сила, упрямство, независимость, смекалка, наблюдательность, находчивость, внимательность, волевая активность.

Воспитание человека Арктики отличается от общепринятой системы

субъектов педагогического воздействия, состоящей из триады Человек – Семья – Общество, наличием ещё одного субъекта воспитательного воздействия. В экософии педагогики Арктики следует принять во внимание влияние Природы как субъекта педагогики. В таком случае педагогика Арктики будет состоять из 4 субъектов: Человек – Семья – Природа- Общество. Природа, как достойный субъект воспитания, обладает огромным спектром воспитательных воздействий вплоть до лишения смерти и вознаграждения долголетием. Её главный воспитательный принцип исходит из признания **взаимосопряженности** всего сущего: феномен связи, взаимосопряженности, взаимосоотнесенности пронизывает все аспекты экософского мировоззрения.

Экософское мировоззрение учитывает многосубъектность среды обитания человека, где человек обязан почитать Живую природу и следовать Живой логике развития мироздания. Следовательно, человек развивается не только по законам общественного развития, но и следует коэволюции с окружающей средой, со своим локальным и региональным вмещающим ландшафтом, вовлечённым во взаимодействие с планетарными и космопланетарными процессами.

Коэволюция человека со средой обитания развивается в соответствии с постулатами Живой логики, признающей творящий дух Красоты. Суть Живой логики состоит в том, что допускается существование различных уровней осознаваемых миров, их разнообразия во времени и пространстве Вселенной; полимасштабность и системность картины мира человека в разных формах жизни; нелинейность мыслительных парадигм; «длинной воли» – способности личности оценить последствия будущих действий, невысказанных слов, непринятых решений, то есть способности к предвидению будущих сценариев. Жизнь в условиях преобладания жизнеобеспечивающей информации только из природных источников, собственной рефлексии и интеллектуальной деятельности в форме предвидения формирует особую энергоинформационную связь на тонком уровне [2].

Литература

1. Соколова, Ю.В. Национально-психологические особенности представителей чукотского этноса: автореф. дис. ...канд. психол. н.: 19.00.15. – Курск, 2004. – 24 с.
2. Vinokurova, U. Energy-Informational Processes in Arctic Person/ Anthropology & Archeology of Eurasia. – Spring 2014/vol.52. – NO.4. – P. 76-97.

УДК 39 (=554)(98)

З.И.Иванова-Унарова¹

¹ Арктический государственный институт культуры и искусств, профессор
677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Орджоникидзе, 4

НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРЫ ЮКАГИРОВ И ИНУИТОВ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ АРКТИКИ

В современной культурной среде все больше внимания своей самобытностью привлекают произведения арктических художников. Веками сложившийся уклад жизни кочевых оленеводов, континентальных охотников и морских зверобоев, унаследование традиционных элементов культуры быта, обрядов, одежды и декора определили особенности современной материальной и духовной культуры народов Арктики, в частности инуитов и юкагиров. Одним из самых увлекательных источников познания мира и своеобразия этнической культуры для инуитского скульптора Абрахама Рубена является обращение к мифологии. Абрахам Ангик Рубен – известный канадский скульптор, инувиак. Мы познакомились с ним на 18-й Международной конференции, посвященной жизни и культуре инуитов, проходившей в октябре 2012 г. в Вашингтоне, к открытию которой была приурочена его персональная выставка. Многофигурные композиции из бронзы, бразильского мыльного камня, моржового клыка с различными инкрустациями, созданные на основе скандинавской и инуитской мифологии, поразили зрителей внутренней энергетикой на грани мистики, сложностью символического языка. Выступая на конференции, художник так объяснил истоки своего творчества: «Мое детство связано с землей. Мы охотились, кочевали, путешествовали на собачьих нартах до 1960-х годов. Путешествие по стране определяет ритм жизни. История, традиции и вера смешиваются». Изучая труды исследователей по этногенезу своего народа, он обратил внимание на ассимиляции разноэтнических компонентов при сложении культуры канадских инуитов, на сходство мифологии народов Скандинавии и Северной Америки. Исторические источники подтверждают факт, что в начале XI века корабли норвежских викингов достигли берегов Северной Америки, где основали город Ньюфаундленд, ныне канадский город. В продолжение трех столетий викинги жили в тесном контакте с местным населением. Фантазии скульптора, вызванные мифологическими сюжетами инуитов и викингов, не являются их пластиче-

скими иллюстрациями. Созданные в духе этномодерна образы скандинавского бога Одина, инуитской и эскимосской богини моря Седны, шаманов и народных культовых божеств раскрывают перед современным зрителем картину древней культуры арктического мира, утверждая ее уникальность в эпоху стремительной глобализации, повсеместно затронувшей сферу культуры и искусства (илл.1).

1. А.РУБЕН.

Седна разрушительница

Древний народ юкагиры оставил богатое наследие своим потомкам в виде неповторимых образцов устного и музыкального фольклора, декоративно-прикладного искусства, орнаментальной культуры и художественных ремесел. Особое место занимают пиктографические рисунки на бересте, аналогов которым нет у других народов. Мы можем называть их пиктографической письменностью, ибо они были средством общения кочевников тундры. На очищенном куске бересты юкагиры кончиком ножа наносили линии, иногда проводили точечные пунктиры. Процарапанные места на светлом фоне четко выделяются, когда наружу выходит нижний темный слой бересты. Известны три вида пиктографического творчества юкагиров: любовные письма, карты местности и сюжетные рисунки на бересте. Так называемые «любовные письма» с символическими знаками впервые опубликовал С. Шаргородский, со ссылкой на которого повторили в своих трудах С. Иванов (2, С.527-528) и В. Иохельсон [3,С.622-623]. Эти уникальные письма в большинстве были утеряны уже в конце XIX века, а копии их, имеющиеся в музее антропологии

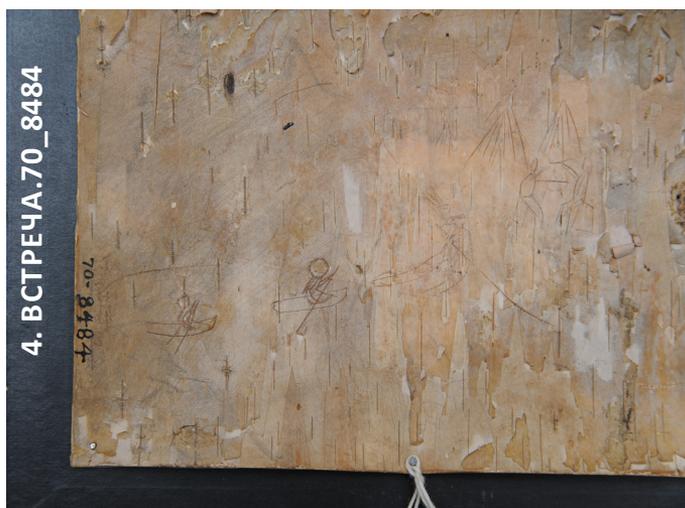
и этнографии в Санкт-Петербурге множество раз опубликованы в разных изданиях. В Американском музее естественной истории сохранилось одно любовное письмо, написанное на кусочке бересты. Карты местности, которые оставляли охотники перед дальней дорогой, подробно исследованы В. Иохельсоном. Он отмечал точность передачи гидрогеографии с соблюдением масштаба и даже подписал на них названия рек, притоков и места стойбищ (илл.2).

2. КАРТА АМЕИ, №1130

Наиболее распространенным видом древнего графического искусства юкагиров являются сюжетные рисунки. Изучая материалы сибирской коллекции Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке, собранные В. Иохельсоном, мы обнаружили 18 сюжетных рисунков на бересте, из которых 9 рисунков ранее не были никем расшифрованы, не были опубликованы. Рассмотрим некоторые из них. В большинстве случаев берестяные письма рассказывают о повседневной жизни в стойбищах, об охоте, дальних походах. Силуэтные рисунки, нарисованные в профиль и с высокой точки зрения, скупыми штрихами точно передают время года, места охоты, рыбной ловли, повседневные заботы, разновременные события и даже последствия войны. К примеру, охотники,

преследующие диких оленей на лыжах, носят снежные очки. Из этого зритель делает вывод о годовом сезоне, когда в тундре ярко светит солнце (илл. 3. 70/8230). Другой рисунок замечателен тем, что показывает эмоциональные взаимоотношения людей (илл.4. 70/8484). Изображается сцена возвраще-

4. ВСТРЕЧА.70_8484

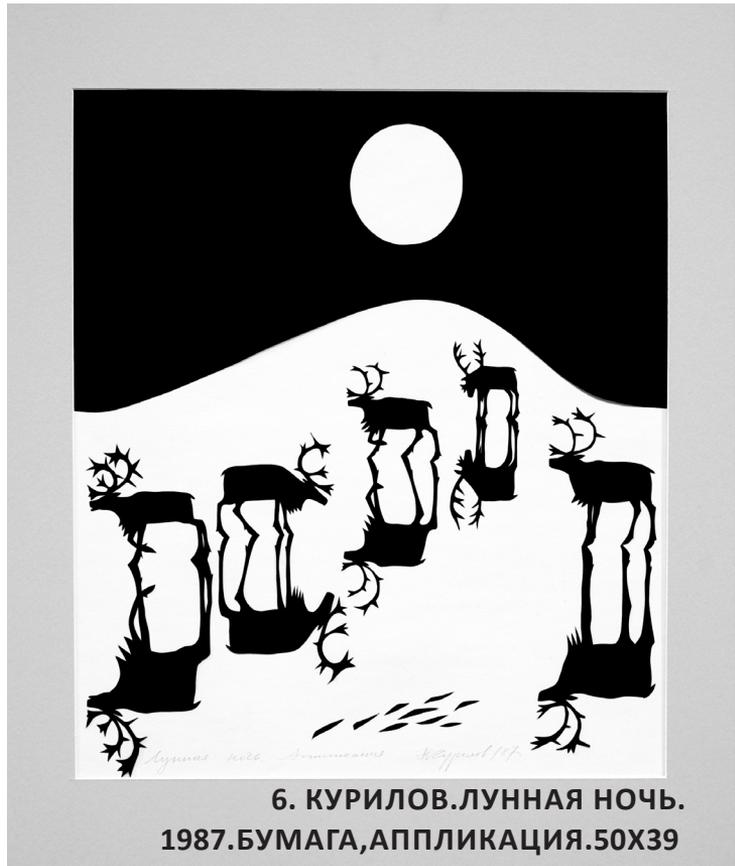

5. Последствия войны

ния рыбаков домой. По едва намеченной линиями реке плывут два челнока, в каждом из них сидит по одному человеку. Они усиленно гребут веслами, подплывая к берегу. Перед ними пустая лодка уже прикреплена к берегу. Приехавший на ней человек с распростертыми для объятия руками подходит к сидящей на берегу женщине, которая тоже радостно приветствует его. На другом рисунке изображаются разные, и даже необычные события, случившиеся в тундре (Илл. 5, 70/8486). Рисунок слабо прорисован, читается с трудом. Наверху убегает от человека якутская оседланная лошадь с чепраком. О том, что речь идет о времени, когда гуси уже не могут летать, можно судить по тому, как человек с палкой гонится за двумя линными, т.е. не летающими, гусями. Рядом происходит трагическая история. Около падающего чума лежит меч, чуть подальше изображена женщина вниз головой за шитьем, держа рукоделие на коленях. Судя по перевернутому изображению и форме предмета на коленях, женщина шьет погребальную одежду своему мужу. Ниже тот же предмет имеет более четкое очертание человека, лежащего в гробу. Предмет изображен как бы входящим в прямоугольное сооружение, похожее на воздушное захоронение в виде помоста на двух столбах. Вырисовывается следующая картина: мужчина погиб в бою, о чем говорит лежащий на земле меч, его чум осиротел - накренился, но не упал, там осталась жена. Возможно, есть связь погибшего человека с изображением якутской убегавшей лошади и догоняющего ее человека. Юкагиры были воинственным на-

родом и часто вступали в сражение с якутами, тунгусами и коряками.

Пиктографические рисунки свидетельствуют о раннем зарождении искусства графики у юкагиров, которое в настоящее время виртуозно развивает профессиональный художник Николай Курилов. Как и инувиак Абрахам Рубен, юкагирский художник вырос в тундре и с детства кочевал по тундре с родителями. Окончив художественное училище в Красноярске, хорошо владея академическим рисунком, техникой офорта, литографии и акварели,

6. КУРИЛОВ. ЛУННАЯ НОЧЬ.

1987. БУМАГА, АППЛИКАЦИЯ. 50X39

он предпочел аппликацию из черно-белой и цветной бумаги. Пространство листов строит обычно на одной плоскости, без привычных планов и горизонтов, оперирует линиями и силуэтами. Когда Курилов вырезал свои первые аппликации на бумаге, он еще не был знаком с графическим наследием своих предков, тем не менее, его рисунки рожают определенные ассоциации. Рисуя в профиль людей и животных, художник метко передает их внешний облик, угадывает характеры, сюжетные перипетии (илл.6) Со временем он стал часто прибегать к символике формы – кругу и спирали. Круг воспринимается как метафора тундры, спираль – бег времени, циклических ритмов времен года. От спирали художник органично переходит к абстрактным композициям (илл.7).

Поразительное сходство черно-белой линейной графики канадских инуитов Квебека и Кейп-Дорсета с силуэтными рисунками древних юкагиров заключается в манере исполнения. В их рисунках, как и в аппликациях Курилова, иллюзорное трехмерное пространство строится по законам линейной и обратной перспективы. Ведущая роль силуэта и линий, «космический» взгляд на пространство, плоскостность поверхности, особенность ритмики и

эмоциональной выразительности составляют основу художественного стиля графики Арктики. Приверженность к плоскостному началу имеет историческую почву как этнокультурные традиции восприятия окружающего мира, как своеобразный семантический код. Есть в этом определенная закономерность художественного выражения, связанная с особенностями восприятия внешнего мира. Человек начинает познавать мир с рождения и со временем у него складывается целостный образ окружающей среды. Перед кочевником тундры расстилается сливающееся с небом широкое пространство тундры. Отсюда зарождаются композиции с высоким горизонтом и круговым охватом зрения. Подобное изображение подчиняется законам линейной, обратной перспективы (the inverted perspective), о чем еще писали А. В. Бакушинский [1. С. 27-28] и Б.В.Раушенбах [4. с. 52-58; 94-98) в отношении древнерусской иконописи и живописи средневековья. Что касается художников Арктики, то у них обнаруживается этнокультурное мировоззрение авторов, представителей разных национальностей и разных культур, что типично для современного искусства этномодерна. Экспрессия и гротескность образов, сакральность символического языка, народные типажи выводят произведения художников этномодерна на новый уровень искусства, что способствует народам Арктики сохранять «свое лицо» в современной культурной среде. Тысячелетняя культура циркумполярного мира, будь то мифологические образы и сюжеты, пиктографические письма или наскальные рисунки - всё это вместе взятое, обогащает современное искусство Арктики, органично входящее в систему вселенской картины универсального порядка.

Литература

1. Бакушинский, А.В. Линейная перспектива в искусстве и зрительном восприятии реального пространства. / А.В.Бакушинский. Исследования и статьи. Сб. статей. – М.: Советский художник, 1981.-350с.
2. Иванов, С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX-начала XX в. (Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. М.-Л: Изд. Академии наук СССР, 1954. – 838с.
3. Иохельсон, В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. Перевод с англ. Иванова В.Х. и Ивановой-Унаровой З.И. («W. Jochelson. The Yukaghir and Yukaghirized Tungus”. 1926) - Новосибирск: Наука, 2005. - 675с (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; т. 5).
4. Раушенбах, Б.В. Пространственные построения в живописи. – М.: Наука, 1980 – 288с. - с. 52-58; 94-98.

УДК 398 (=512.1)

А.Е.Захарова¹

¹ Арктический государственный институт культуры и искусств,
научный сотрудник

677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Орджоникидзе, 4

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДА САХА КАК ОБЪЕКТ СОХРАНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Вопросы сохранения нематериального культурного наследия каждого этноса России, независимо от его численности, сегодня являются актуальными в силу сложившихся обстоятельств исторического прошлого этих народов и вызовов современного мира. По международной терминологии (ЮНЕСКО ООН) нематериальное культурное наследие представляет собой явление, передаваемое от поколения к поколению, которое постоянно воссоздается сообществами и группами людей в зависимости от окружающей среды, их взаимодействия с природой, формируя у них чувство самобытности, преемственности, уважения к творчеству отдельного человека для сохранения культурного разнообразия.

В Конвенцию по охране нематериального культурного наследия (ЮНЕСКО, 2003г.) входят следующие явления и формы, внутри которых они делятся на отдельные элементы: устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия; исполнительские искусства; обычаи, обряды, празднества; знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной; знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами [3].

Базовую основу нематериального культурного наследия народа саха составляют архаические элементы народной культуры, которые были востребованы народом в различные этапы его развития, помогая сохранить этническую идентичность. Сегодня вопросы их сохранения и взаимодействия стали наиболее актуальными в силу их быстрого угасания в современном мире.

Якуты сохранили реликтовые основы древнетюркского языка и архаические элементы народной культуры (героический эпос *олонхо*, шаманизм-*ой-ууннааһын*, национальный праздник *ысыах*, круговые танцы *осуохай*, *варган-хомус*, разновидности горлового пения: *кылыһах*, *хабарга ырыата*, шаманское *песнопение-кутуруу* и др.), а также разнообразные виды деко-

ративно-прикладного искусства и народных промыслов. В силу своей реликтовости они сохранили в себе наиболее древние тюрко-монгольские элементы евразийской культуры. Почему сегодня стало возможным сохранение некоторых архаических элементов нематериального культурного наследия народа саха? Причина в одном: благодаря востребованности у народа и их наибольшей популярности в прошлом. Однако следует отметить, что сегодня утрачиваются наиболее ценные и древние основы технологии исполнения и изготовления.

Республика Саха (Якутия) – сегодня один из немногочисленных регионов Российской Федерации, где все еще присутствует живое бытование устных жанров фольклора и видов традиционной культуры. Тем не менее, как и у многих малочисленных народов России, у якутов наиболее уязвимые и ранимые явления народной культуры уже безвозвратно утрачены или находятся на грани исчезновения.

В последнее двадцатилетие по сравнению с советским периодом развития национальной культуры, произошел огромный прорыв в самосознании народа саха, что дало возможность войти нашей культуре в мировое культурное пространство и занять там свое достойное место через международную организацию ЮНЕСКО. Достижением Республики Саха (Якутия) последнего десятилетия по сохранению элементов нематериального культурного наследия стала результативная работа по приданию статуса шедевра якутскому героическому эпосу олонхо в Третьем Провозглашении шедевров ЮНЕСКО 25 ноября 2005 г.

Тесные связи якутов с тюрко-монгольскими народами ярко проявляются не только в героическом эпосе олонхо, в видах традиционной культуры (в предметах материальной культуры), в особенностях погребальных обрядов. Кузнецы и мастера декоративно-прикладного искусства и народных промыслов прошлого утилитарные вещи и предметы обихода довели до уровня народного искусства с необычайно богатыми узорами и орнаментами, создавая бесценные образцы ручной технологии, не превзойденные до сих пор.

Многие виды декоративно-прикладного искусства и народных промыслов в прошлом достигли высокохудожественных образцов, благодаря тому, что они несли двойную функцию: утилитарную и обрядовую. Сегодня эти две функции утрачиваются, и с ними утрачиваются многие традиционные технологии ручной обработки материалов и старинная ручная технология изготовления уникальных предметов быта и украшений.

Хотя в настоящее время из этих видов переживает расцвет лишь ювелирное дело, но народными мастерами уже забыты старинные традиционные

технологии литья ювелирных изделий, на их место пришла более простая и дешевая автоматизированная штамповка. Потому появились другие изделия, более упрощенные и менее ценные в художественном отношении, т. е. идет разрушение веками сложившихся традиций в ювелирном деле. К сожалению, это относится и к другим видам.

Например, изготовление кумысной утвари, используемой во время праздника Ысыах, у якутов считалось вершиной народного искусства. Центральное место среди кумысной деревянной утвари занимала деревянная *чаша-чорон*, имевшая в прошлом утилитарное и обрядовое применение, и, соответственно, несла в себе наибольшую смысловую и символическую нагрузку. Вырезанные рукой древнего мастера из одного корня березы чороны высотой полметра с танцующими узорами, сегодня, к сожалению, не могут воспроизводиться их потомками, утратившими эту древнюю технологию. Их сегодня массово заменяет утилитарная керамическая и фарфоровая штамповка, воспроизводимая в лучшем случае на китайских фарфоровых заводах. Главное, многие из этих изделий в прошлом носили на себе ярко выраженные южные элементы общетюркской культуры.

Предварительный анализ сегодняшней ситуации по нематериальному культурному наследию в республике выявил в целом безрадостную картину. Сегодня давно ушли из быта коренных народов республики многие традиционные виды одежды, утвари, жилища, утилитарных орудий труда, связанные с традиционным укладом жизни и типом хозяйствования на Севере. К сожалению, сегодня только в музеях остались эти образцы самобытного декоративно-прикладного искусства и народных промыслов исчезнувших и исчезающих народов Крайнего Севера. Это обстоятельство не может не вызвать тревогу у нас и у коренных народов Севера в республике. Возникает вопрос: всегда ли были оправданными эти утраты, когда речь идет о малочисленных народах и их веками сложившейся традиционной культуре? Якуты и северные народы веками создавали эти утонченные художественные и технологические приемы, отразившиеся в их самобытных орнаментах и узорах, ставших самостоятельной областью мировой художественной культуры, с образцами которых мы сегодня знакомимся только в ведущих музеях мира, а не у себя дома.

В настоящее время ситуация в этой отрасли в республике, как и в целом по Крайнему Северу, Сибири и Дальнему Востоку, остается сложной. Недостаточность инвестиций в производство, низкий жизненный уровень мастеров и умельцев на местах, производящих художественные и сувенирные изделия, наличие на потребительском рынке импортной сувенирной и подарочной продукции, являются основными факторами

исчезновения уникальных традиционных видов народных промыслов сегодня. Производство изделий народных художественных промыслов и сувенирной продукции осуществляется в основном за счет собственных средств художников, мастеров народных промыслов, ремесленников без поддержки и инвестиций извне.

Наиболее сложным остается и вопрос сырья. Например, Якутия, являясь единственным поставщиком мамонтовой фауны во всем мире, не может обеспечить сырьем своих мастеров. «В России ежегодно добывается до 50 тонн кости, а мастера по всей стране используют максимум 1,5 тонны. Вся остальная масса вывозится за рубеж, в подавляющем объеме в Китай. Это объясняется крайним несовершенством существующих федеральных законов, регулирующих добычу мамонтовой фауны... Вообще в России странное отношение к этому природному ресурсу. Фактически страна – монополист этого сырья, из общего мирового объема кости 80% находится на севере Якутии» [9]. А мы не можем обеспечить даже немногочисленных мастеров Якутии минимальным сырьем, когда как в Китае это дело поставлено на поток. Именно Китай сегодня стал мировым монополистом косторезного дела на нашей мамонтовой кости.

Между тем Якутия имеет богатые художественные традиции по косторезному делу. В связи с данной ситуацией нависла большая опасность утраты преемственности в поколениях и школах народных мастеров по косторезному и ювелирному делу, изготовлению традиционной деревянной утвари, народному костюму и т. д. Сегодня стоит большая проблема сохранения этого огромного пласта уникального нематериального культурного наследия наших предков. У народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока была не только общность их языка и культуры, но в древности была и общность территории, сохранившая богатые археологические артефакты и устные свидетельства общности их духовной и материальной культуры.

Следовательно, сохранение, изучение, передача и популяризация нематериального культурного наследия народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, сегодня должны выйти на другой уровень. С одной стороны, мы долго отстаивали свое право на самобытное развитие своей культуры, чтобы сохранить своеобразие, обеспечивающее этническую идентичность. С другой стороны, также долгие годы велась другая политика разъединения нас, родственных народов, чтобы мы не помнили своего родства, свою праматерь, вскормившую нас в евразийских степях, в глубине веков. Но сегодня наступает другое время, пришло «время собирать камни», объединиться и сообща искать пути евразийской интеграции, что

пойдет только на благо развития культуры наших народов. Позитивным примером евразийской интеграции культур на территории Сибири является традиционное проведение с 2001 г. этнокультурного фестиваля «*Ёрдынские игры*», возникший на основе древних круговых танцев народов Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Он проводится как совместный проект Республики Саха (Якутия) и Иркутской области, где круговой танец собирает тысячи участников вокруг священной Горы Ёрд около острова Ольхон на Байкале, который воплощен по идее и реконструкции бурятского исследователя, доктора исторических наук Д.С. Дугарова, знатока древнего обрядового комплекса евразийских народов.

Передаваемые от поколения к поколению устным ли способом, или через рукотворчество, эти древние традиции определяют настоящее и будущее духовной составляющей евразийских народов России. Поэтому главным хранителем и ревностным приверженцем сохранения традиций всегда выступал и выступает сам народ. Носители, творцы и исполнители этой культуры являются истинными патриотами, передавая свои знания молодому поколению, которое должно гордиться своим причастием к прошлой истории своего народа. Через участие в этих формах народной культуры у молодого поколения формируется чувство гражданственности, любовь к своей малой родине и причастность к общечеловеческой культуре.

Нематериальное культурное наследие любого малочисленного народа России, как объект сохранения, сегодня должен стать приоритетным в культурной политике региона и быть источником духовной и материальной культуры народа, будучи тем проводником, который строит мост между прошлым, настоящим и будущим.

Литература

1. Гоголев, А.И. Якуты: проблемы этногенеза и формирования культуры. – Якутск: Илин, 1993. – 175 с.
2. Гоголев, А.И., Бурцев А.А. Якутское олонхо в контексте мифологии и эпической поэзии народов Евразии. – Якутск: ГУ «АН РС(Я)», 2012. - 74 с. – С. 61, 74.
3. Конвенция об охране нематериального культурного наследия от 17 октября 2003 г. // Сайт правозащитного центра Всемирного русского народного собора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: WWW.URL: <http://pravovrns.ru>.
4. Константинов, И.В. Происхождение якутского народа и его культуры. – Якутск, 2003. – 92 с. – С. 27.
5. Окладников, А.П. Якутский эпос (олонхо) и его связь с югом. – Якутск: Сайдам, 2013. – 64 с. – С. 37.
6. Пухов, И.В. Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо. – Якутск: Изд-во Якут. фил. СО РАН., 2004. – 328 с.

7. Сокровища культуры Якутии / Серия «Наследие народов Российской Федерации». – Вып.14. – М., 2014. – 960 с.
8. Традиции и современность в искусстве народных художественных промыслов и ремесел Крайнего Севера и Дальнего Востока. Труды I региональной научно-практической конференции 27-28 ноября 2003 г. – Якутск, 2004. – 190 с.
9. Яковлева, А. Добыча мамонтовой кости. Как выйти из сумрака? – «Якутск вечерний». – 2014. – 7 ноября.

УДК 316.334.52:364:48

О.Д.Коврова¹, А.И.Салгынова²

¹ Арктический государственный институт культуры и искусств, старший преподаватель

677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Орджоникидзе, 4

² Арктический государственный институт культуры и искусств, студент

677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Орджоникидзе, 4

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ СЕЛА В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития в Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [1] использование проектного метода признано перспективным во всех отраслях социально-культурной деятельности регионов.

Сегодня, когда идет процесс социально-экономического развития сельского населения, адекватный современным реалиям, ведущей проблемой становится обретение духовного стержня, общепризнанных, традиционных для России идеалов и ценностей, национальной идеи. Важной чертой развития культуры в селе стало появление новых методов управления и финансирования отрасли, к которым относятся разработка и реализация социально-культурной проектной деятельности в условиях села.

Сельское население – носитель социально-культурных и личностных проблем, то есть категория, характеризующаяся специфическими социальными и культурными особенностями и условиями жизнедеятельности. В современных условиях село переживает определенное неблагополучие в экономической, политической, образовательной и социально-культурной сферах жизнедеятельности. Для решения этой проблемы в Республике Саха (Якутия) реализуется государственная Программа развития села, которая является одним из главных приоритетных направлений реализации культурных проектов.

Целевые назначения и функционирование культуры непосредственно связаны с развитием человека и включены во все аспекты его деятельности, данное направление признано приоритетным в общественно-государственной жизни. В связи с этим Государственным Собранием (Ил Тумэн) принят

закон «О культуре» Республики Саха (Якутия) от 24 июня 2013 г. №1335-IV, целью которого является системное регулирование развития многонациональной культуры в соответствии с установленными приоритетами социально-экономической политики РС (Я).

В сельской местности современной Якутии проживает 35,8% всего населения республики [4], что является высоким показателем для Российской Федерации. В целях поддержки и развития села 27 сентября 2012 г. вышел Указ Президента РС (Я) №1644 «О комплексных мерах по развитию села в Республике Саха (Якутия)» [3] и 2013 г. был объявлен Годом села. Социально-культурное развитие села связано с особенностями сельского образа жизни, инфраструктуры села. Но экономический кризис в аграрном секторе, новые формы хозяйствования привели к снижению ценностей культурного развития сельского населения республики. В связи с этим данные социально-культурные проблемы актуальны на сегодняшний день и требуют нового подхода к решению.

В рамках реформы местного самоуправления ответственность за обеспечение доступа населения к культурным благам, создание и предоставление услуг культуры сконцентрирована в большей части на уровне органов местного самоуправления и муниципальных учреждений культуры, которые в целом не позволили в полной мере реализовать новые экономические стратегии социально-культурного проектирования.

Высокая степень монополизации социально-культурного проектирования в условиях Арктической зоны республики свидетельствует о том, что учреждения культуры имеют неодинаковую инфраструктуру. Культура функционирует в суровых климатических условиях и требует эффективной деятельности государственных органов управления по внедрению и реализации модельного инновационного действия. В особо сложных условиях Арктики сегодня находятся учреждения культуры, дальнейшее развитие которых зависит от гарантированного финансирования из бюджета муниципальных образований разных уровней и состояния их материально-технической базы. Для решения данной проблемы необходима адресная грантовая поддержка творческих проектов:

- гранты для поддержки творческих достижений и начинаний молодежных движений Арктической зоны РС (Я) в области культуры и искусства;
- гранты по поддержке творческих инициатив в области интеграцион-

ных процессов социально-культурной деятельности;

- гранты для поддержки и развития народного художественного и декоративно-прикладного творчества народов Арктической зоны РС (Я).

Вышеизложенные направления программ грантов, в первую очередь, необходимы для реализации идей региональной сети социально-культурного проектирования на уровне муниципальных образований, которые будут развивать культурный уровень сельского населения Арктической зоны республики.

Проективная деятельность относится к разряду инновационной, творческой деятельности, так как она строится на базе соответствующей технологии, которую можно унифицировать, освоить и усовершенствовать. Создание замысла проекта предполагает определенное культурное преобразование-появление новых культурных аналогов. Социально-культурное проектирование направлено на разработку программ поддержки и развития культуры.

В современных условиях села необходимо развивать социально-культурное проектирование, которое повлияет на массовое и общественное сознание всех социальных групп сельского населения и на формирование его культурных ценностей. Социально-культурное проектирование выступает в качестве позитивного процесса, направленного на ведущую целевую ориентацию, которая заключается в разработке условий, способствующих развитию культурного потенциала сельского общества в целом. Социально-культурное проектирование представляет собой определенный баланс усилий (средств, ресурсов), направленных на сохранение культуры малочисленных народов, раскрытие их культурного потенциала через внедрение инновационных элементов.

Таким образом, социально-культурное проектирование как фактор устойчивого развития культуры села Арктической зоны является важнейшим индикатором культурного процесса общества. Внедрение социально-культурного проектирования будет влиять на степень готовности определенных социальных групп села принять участие в различных формах социально-культурного проекта; постоянно действующий мониторинг социально-культурных проектов и движений на основе экспертных оценок и контентанализа их содержания; взаимосвязанное функционирование законодательной и исполнительной власти в Российской Федерации в региональной культурной политике Республики Саха (Якутия); эффективность работы социально-культурного проекта, проявляющаяся в четком исполнении принятых решений на протяжении всего цикла реализации подпрограмм; механизм обратной связи; учет интересов максимально большего числа социальных групп населения.

Литература

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008г. № 1662-р). – 194 с. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации.
2. Методические рекомендации в помощь Главам муниципальных образований и руководителям муниципальных учреждений культуры: методическое пособие / АУ РС (Я) «АРКТИКА», ЦНМР [отв. ред. С.С. Семенов]. – Якутск., 2013. – 56 с.
3. Указ Президента РС (Я) от 27 сентября 2012 г. №1644 «О комплексных мерах по развитию села в Республике Саха (Якутия)». – Режим доступа: [http:// sakha.gov.ru/node/117775](http://sakha.gov.ru/node/117775).
4. Численность городского и сельского населения РФ. Всероссийская перепись населения Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всероссийской переписи населения. – Режим доступа: www/perepis-2010.ru.

УДК 793.3 (47-17)

929 Петрова-Бытова

Р.Х.Бурцева¹

¹ *Арктический государственный институт культуры и искусств, доцент
677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Орджоникидзе, 4*

ТАТЬЯНА ФЕДОРОВНА ПЕТРОВА-БЫТОВА КАК ТЕОРЕТИК И ПРАКТИК СЕВЕРНОГО ТАНЦА

Выдающийся деятель искусства, одна из известных исследователей культуры народов Севера, заслуженный работник культуры РСФСР Татьяна Федоровна Петрова-Бытова (23.05.1910 – 17.06.1994) всю свою деятельность посвятила развитию традиционной культуры народов Крайнего Севера, воспитывая у своих учеников чувство национального самосознания, бережного отношения к сохранению традиций, обычаев, обрядов, фольклора своего народа. С ее именем неразрывно связано целое направление становления танцевального творчества северных народов.

Именно Т.Ф. Петрова-Бытова, во время работы педагогом Института народов Севера, оказала значительное влияние не только на подготовку специалистов-северян, но и становление традиционной танцевальной культуры коряков, ительменов, чукчей, якутов, эвенков, включая непосредственную помощь в создании многих ныне знаменитых коллективов. Ансамбль «Северное сияние», созданный Татьяной Федоровной в 1935 г. при Институте народов Севера, продолжает творческую биографию и сегодня. Т.Ф. Петрова-Бытова – автор многих научных и научно-популярных работ. Широкой известностью пользуется ее статья «Секрет движения», включенная в книгу «Радуга на снегу» [1].

Если коснуться истории вопроса, в Ленинграде национальная художественная самодеятельность северян возникла в 1925 г. на северном рабфаке при Ленинградском государственном университете, затем на рабфаке при Институте восточных языков, а с 1930 г. при Институте народов Севера. Здесь получали высшее образование представители малочисленных народов Севера из всего Советского Союза (в институте обучались представители свыше 26 национальностей Крайнего Севера), которые, возвратясь на родину, должны были стать проводниками развития народного творчества. Вначале северяне-студенты и курсанты принимали участие в общих местных вечерах самодеятельности, затем начала формироваться групповая национальная самодеятельность под руководством профессиональных педагогов.

В институте действовали театральные, хоровые, хореографические студии под руководством людей, влюбленных в Север: профессиональных артистов, музыкантов, режиссеров. Так, руководителем коллектива национальной хореографии была приглашена Татьяна Федоровна Петрова-Бытова, по инициативе которой все национальные группы объединились в общий хореографический коллектив. Постепенно формировался репертуар, коллектив начал выступать с концертами. Его выступления тепло принимались зрителями Ленинграда. Однажды, зимой 1934 г., Татьяна Федоровна присутствовала на студенческом празднике, проходившем в Ленинграде ежегодно. Там она впервые увидела танцующих студентов педагогического института имени Герцена, и с этого момента началось ее знакомство с Институтом народов Крайнего Севера. В 1934 г. Татьяна Федоровна приходит в институт как преподаватель кружка пластического движения и физической культуры. Работа с северянами была для нее новой, необычной. Еще в юности она занималась в одном из хореографических кружков, который основали последователи Айседоры Дункан, всемирно известной танцовщицы и реформатора классического танца (кружок под название «Ептохор» – хор танцующих из семи – отметил в 1984 году свое семидесятилетие). Наследницей идей этого кружка и стала Татьяна Федоровна. Танцы северян напомнили ей стиль свободного движения Айседоры Дункан, и прежде всего их сближал элемент импровизации (что чувствуют, переживают, то и выражают посредством танца). Так, своеобразие метода работы Т.Ф. Петровой-Бытовой с народным танцем заключалось в сочетании аутентичных танцевальных движений с современными в то время эстетическими экспериментами европейских студий, базирующихся на единстве музыки и движения.

Для более глубокого знакомства с творчеством народов Крайнего Севера Татьяна Федоровна поначалу обращается к литературным источникам, но детального описания танцев в них не было. В единственном многотомном издании «История танцев всего мира» С.Н. Худякова [2] северяне были представлены только эскимосами, которые, по словам автора, одеты в звериные шкуры, мерзнут, и им не до танцев. Такое освещение творчества малых народов не соответствовало действительности: северяне танцуют с раннего детства. Сама Т.Ф. Петрова-Бытова об этом отмечала следующее: «Этнографические записки обогащали мои познания в области творчества народов Севера. Но скудные описания танцев этнографами и путешественниками не могли дать столько материала, сколько я получила от моих студентов» [3].

Свою работу в институте Татьяна Федоровна начала с того, что организовала разные национальные группы, где проводила беседы о значении

народного творчества, о задачах развития национального искусства, необходимости отбора лучших образцов для создания своего репертуара, таким образом подготавливая почву для импровизационных занятий: «В исполнении импровизационных заданий я старалась подметить характерные движения и уловить своеобразие стиля в танцах каждого народа» [4]. На этих занятиях она проявила себя и как тонкий психолог, для того, чтобы студенты, не стесняясь, показывали свои танцы и пели песни. Каждое занятие приносило что-нибудь новое. Так, день за днем, месяц за месяцем, год за годом накапливался материал для постановок: «Все мы, педагоги, руководившие кружками национальной художественной самодеятельности, были увлечены необычным творчеством северян. Мы были очень дружны и едины в своей работе, к которой относились с огромной ответственностью. Ведь наши ученики должны были стать проводниками культуры и искусства на Крайнем Севере. Почти все мы были ровесниками многих студентов. Экзотика Севера манила нас, а молодость рвалась к высотам. Но все же мы не торопились создавать сценические постановки, так как понимали, что еще только касаемся национального искусства» [4].

Татьяна Федоровна была последовательной сторонницей единства народного костюма и танца. Эскизы костюмов, за исключением тех, которые привозили участники самодеятельности, делала сама: она окончила детскую рисовальную школу и три курса в Академии художеств в Ленинграде.

Т.Ф. Петрова-Бытова была глубоко убеждена в том, что сценические постановки танцев должны сохранять свежее дыхание традиционного искусства. Постепенно повышалась танцевальная техника и общая культура северян. Это позволило девушкам исполнять танцевальные этюды на музыку Грига, Шуберта, Чайковского. Итогом совместной работы были концерты, представлявшие собой «целостное театральное формообразование, сочетающее в себе прозу, песню, танец и пантомиму». Такая творческая концепция, получившая начало в деятельности Татьяны Федоровны, как доказало время, является «оптимальной моделью сохранения и актуализации танцевально-пластической культуры северных народов».

В 1935 г. хореографический коллектив Института народов Севера стал участником I фестиваля танца разных народов.

Последний концерт проходил в первый день войны...

В годы Великой Отечественной войны умерли в блокаду либо погибли на фронте многие руководители художественной самодеятельности института Народов Севера, в том числе М.Г. Немирова, А.Ф. Соколов.

Во время войны Татьяна Федоровна работала медсестрой в госпитале и одновременно с бригадой артистов выступала перед ранеными солдатами.

Во время блокады погибла рукопись сборника о народном творчестве северян, материалы которой носили уникальный характер. Умерла от истощения соавтор Татьяны Федоровны Л.В. Певгова. Полностью погибла костюмерная, были утеряны записи обработанной музыки и композиции танцев. И только вера в то, что вслед за ненастьем настанут солнечные дни, заставляла бороться за мир, жить.

Татьяна Федоровна Петрова-Бытова, пережив страшное время блокады, вновь вернулась к работе.

В 1947 г. состоялся первый концерт студенческого коллектива после войны.

В 1956 г. была создана большая концертная программа в форме сюиты «Северное сияние», над постановкой которой работал режиссер П.П. Петров-Бытов. В 1957 г. программа была представлена на Московском международном фестивале молодежи и студентов. С 1961 г. за ансамблем закрепилось именно это название «Северное сияние». В 1977 г. ансамблю присвоено звание «Народного коллектива».

В институте стали работать факультативы по дополнительным специальностям, окончившие их студенты получали дипломы руководителей кружков художественной самодеятельности для школ Крайнего Севера.

В 1964 г. в г. Хабаровске Министерством культуры РСФСР и Центральным домом народного творчества (ЦДНТ) им. Н. Крупской была организована конференция, посвященная вопросам развития художественной самодеятельности на Дальнем Востоке и Крайнем Севере, в том числе профессиональной помощи развитию народного творчества. ЦДНТ стал снаряжать экспедиции профессиональных деятелей искусства и культуры в национальные округа Крайнего Севера. Так, в 1968 г. Т.Ф. Петрова-Бытова приехала в Ненецкий национальный округ для работы в национальном ансамбле г. Нарьян-Мар, затем ее маршрут пролегал на Ямал, в Салехард, в Ханты-Мансийск, Эвенкию, Хабаровский край, на Чукотку, Камчатку, Якутию. Татьяна Федоровна ставила себе целью глубокое изучение зрелищно-театрального искусства народов Севера, объездила все северные точки страны, наглядно изучая фольклор, обряды, быт народа. Везде, где она была, Татьяна Федоровна создавала национальные хореографические ансамбли, оказывала национальным ансамблям методическую и организационную помощь, создавала танцевальные постановки и программы. С ее помощью и при практическом участии были созданы национальный ансамбль песни и танца «Осиктакан» в Эвенкии (п. Тура), ансамбль «Мэнго» на Камчатке (п. Палана). Т.Ф. Петрова-Бытова поставила танцевальную сюиту «Солнце над ярангой» для первого профессионального ансамбля танца «Эргэрон», сформированного с ее помощью на Чукотке в с. Уэлене; «Хололо» для ансамбля «Мэнго» [5].

Народное творчество требует к себе чрезвычайно бережного отношения и влюбленного служения ему и не терпит каких-либо шаблонов.

Оно поднимает и развивает самосознание, выступает одной из самых демократических форм нравственного и эстетического обогащения народа. Обогащенные мудростью и опытом поколений, эти образцы служат источником и кладезем культуры, средством ее передачи. Необходимо, чтобы художественное творчество наследовало и передавало от поколения к поколению социально-культурный опыт и знания народа.

Руководство самодеятельным хореографическим коллективом, ориентированным на фольклор, предполагает доскональное изучение всех особенностей того или иного этноса, его национальных ценностей, специфики национального языка, танцев, культуры. Для создания, организации любого коллектива нужны теория, методика и практика в профессиональной деятельности.

В настоящее время проблема руководства современным хореографическим самодеятельным коллективом вновь стала актуальной. И одним из путей решения этой проблемы является изучение опыта, творческой деятельности руководителей хореографических коллективов.

Профессия руководителя художественной самодеятельности в основе своей является педагогической, одновременно руководитель является культурно-просветительным и педагогическим работником, а также является специалистом сферы искусства, художественным руководителем коллектива. Эта единая функциональная подготовка руководителя и является основной характерной чертой его профессиональной деятельности. От его общей культуры и знаний во многом зависят мировоззрение, моральные и эстетические принципы участников: руководитель – отражение своего коллектива.

Литература

1. Петрова-Бытова, Т.Ф. Секрет движения // Радуга на снегу: сб. ст. – М.: Изд-во «Молодая гвардия», 1972.
2. Худяков, С.Н. История танцев всего мира. – СПб., 1913.
3. Петрова-Бытова, Т.Ф. Хореографическое искусство народностей Севера // Барышев, Г.А. Просвещение на Крайнем Севере / Г.А. Барышев, С.А. Чехова. – Л.: Просвещение, 1981.
4. Петрова-Бытова, Т.Ф. Художественная самодеятельность народов Крайнего Севера // Кронгауз Ф.Ф. Просвещение на советском Крайнем Севере. – Л.: Просвещение, 1958.
5. Материал предоставлен преподавателем хореографии, бывшим хореографом Эвенкийского народного ансамбля «Осиктакан» Ниной Александровной Бандуриной.

УДК 392.792 (571.56)

Г.И.Карасева¹

¹ Арктический государственный институт культуры и искусств, доцент
677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Орджоникидзе, 4

РОЛЬ ТЕАТРАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОСВОЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Говоря о социализации личности, мы уделяем огромное внимание формированию ее духовного потенциала, интеллектуальной и нравственно-эстетической культуры, в том числе через процесс этнической идентификации, а также освоения традиционных культурных ценностей народов Республики Саха (Якутия).

Использование народности этнической культуры в общественном воспитании является одним из основных принципов социально-культурной деятельности, преемственности национально-этнического опыта, воспитания в процессе изучения духовного наследия своего народа. Преемственность включает в себя четыре звена: дошкольное; общее среднее и дополнительное; среднее профессиональное; высшее и послевузовское образование. Исходя из звеньев, имеется следующая направленность этнохудожественного образования: первое звено – представленческий уровень, второе – понятийный уровень, третье – мировоззренческий и четвертый уровень – концептуальный. Следует отметить, что национально-региональный компонент дает возможность учащимся в различных возрастных группах освоить основы развития народной художественной культуры региона, основных понятий и научных фактов, привить любовь к традиционному творчеству, сформировать эстетическое отношение к ценностям народной культуры Якутии, развить творческие способности.

Театральное искусство объединяет людей путем приобщения к культурным ценностям, заключенным в сценическое действие. Зритель в процессе спектакля составляет новую модель отношения и может передать свои впечатления, эмоции, новую информацию будущим зрителям.

Театральная игра еще с доисторических времен являлась одним из средств передачи той или иной информации. Практически каждое обрядовое действие выстраивалось по законам драматургии, подводя зрителя к кульминации, делая его соучастником действия и включая его в «игровую

действительность», необходимую для его полноценной жизнедеятельности. И сегодня, воспроизводя на сцене обычаи, обряды того или иного этноса, мы не только передаем информацию, но и, используя средства эмоционального воздействия на зрителя, вырабатывает отношение к ней в том ракурсе, который необходим для понимая важности этого действия и ценностного отношения к нему.

Особая ценность театрального искусства заключается в его многоуровневости. Выше мы начали говорить об уровне «актер-зритель», где спектакль, художественно отражая действительность, погружает в него людей, знакомит их с новыми формами мировосприятия, при этом корректируя индивидуальное сознание сознанием общественным. Так, в спектакле «Законы жизни ИТА», поставленном в рамках студенческого театра лаборатории Арктического института культуры и искусств, показана жизнь эвенков, живущих в урикитвэ (поселении) по законам, определенным верховным богом Сэвэки, где главным является любовь к земле, природе, к людям, уважение традиций, бережное их сохранение и неукоснительное следование им. Иначе нельзя выжить в тяжелых условиях Севера. Почитание старших, вера в добро, борьба за человека, который «потерялся» в своей злобе, зависти и подлости. Эта информация актуальна и сегодня. Но нравственные ценности, поданные средствами театрального искусства, подкрепленные сценографией, костюмами, песнями, хореографией, живым общением со зрителем, вызывают ответную реакцию и веру в то, о чем говорят актеры. Здесь расширяется личный опыт зрителя, становятся прочными контакты со сценической реальностью, и происходит процесс формирования общественного сознания.

Второй уровень – это «актер-образ». Говоря о студентах, изучающих историю Якутии, обрядово праздничную культуру народов Республики Саха, осваивающих этнокультурные ценности в традиционной форме в виде лекций, семинаров и, сравнивая их со студентами, отдавшими предпочтение театральным формам, отмечаем, что усвоение материала у вторых на 80% проходит в более углубленном варианте по их инициативе. Интерес усугубляется особым отношением студента, играющего роль охотника, шамана, старейшины или ребенка в тех или иных временных, образно-сюжетных обстоятельствах, когда создавая эту реальность, студент проникается особым чувством к происходящему. Он рождает образ эвенка или юкагира, злого или доброго персонажа реального исторического прошлого, которое в данный момент затрагивает его все существо. Возрождая фрагменты прошлого, студент осваивает не только физическую часть событий, но и старается понять и представить отношение своего героя к ним, а через это родить и свое,

личностное, понимание ценности тех событий, сопоставляя с настоящим, и перенести нравственные критерии жизни изучаемого этноса в реальную жизнь. В спектакле «Законы жизни ИТА» старейшина разговаривает с шаманом о молодом охотнике, злом и жестоком:

Шаман: Плохо в твоём урикитвэ. Человек должен жизнь любить, а не забирать ее. Черная душа мысли черные рождает, а потом и дела. Ты знаешь его. Пусть он придет. Плохой дух в нем. Прогонять его будем. А то от него к другому, третьему перейдет... А зло... оно губит все живое.. Хэргу Буга (злой дух нижнего мира) силен... Бороться с ним трудно.

Старик: Слаб человек... Слабость его в сердце его... Любовь мимо него прошла. А коли землю не любишь, то и людей подавно...

Удивительно, но во время тренинга на перемене я услышала, как студент сказал девушке (обладающей высокомерным характером): «Чего такая агрессивная, любовь мимо прошла? Люби жизнь, радуйся всем и тебе рады все будут. А то ходишь красивая и одинокая...». Девушка была студенткой из другой группы, до этого она скандалила с однокурсницей молодого человека. Не знаю, поняла ли она что-нибудь, но притихла, посидела минуту, а потом вдруг резко убежала. Молодой человек в спектакле играл главную роль. До постановки он был эдаким «красавчиком» с веселым отношением к жизни, рэпером и брейкером. Игра в спектакле его изменила во многом, в том числе и в отношении к любви, гордыне, ненависти, к вере. Но, самое главное, что традиционная жизнь эвенков стала для него понятной и близкой, ведь он играл мужественного, открытого, доброго человека, сильного духом, нежного. Мне кажется, что эти качества через его образ стали ближе и другим студентам. И вот именно здесь мы переходим к следующему уровню: «актер-актер». Процесс самопознания через идентификацию создаваемых образов дает возможность приобретения навыков межличностного общения в процессе игрового действия. Создавая образ, студент прежде постигает историю данного народа, особенности бытия, его сферу бытования, и, уже исходя из характера героя, он действует, понимая, как и почему это должно происходить. Взаимодействие героев, конфликт, борьба, достижение поставленной цели идет через толкование информации и решение образно-сюжетных линий героев. Как же можно сыграть шамана, не изучив эвенкийский шаманизм, не перечитав гору литературы, не поговорив с людьми, общавшихся с шаманами, не освоив лексику движений, речь, не зная обрядов, проводимых ими? Создание совместного творческого продукта, взаимное общение дают возможность студентам говорить на одном языке, обладая знаниями, которые они освоили в процессе работы

над ролью, и передавая их не только зрителю, но и партнерам по игре.

Якутский героический эпос Олонхо достаточно сложен для прочтения и освоения не только детьми, подростками, но и молодежью и людьми более старшего возраста, и требует определенной подготовки. Изучение многовековой якутской культуры сегодня происходит во многом через театральные технологии, адаптированные к той или иной аудитории. Школьные и студенческие театры успешно представляют свои работы по популяризации великого жанра якутского устно-поэтического творчества. Это дает возможность сформировать большой интерес к якутскому фольклору среди подрастающего поколения. Большое количество средств выразительности, особенности сценографии, мизансценирования, костюмы, реквизит, бутафория, маски, применение новых технологий в театральном искусстве – все это влияет на эмоциональное восприятие сложного материала.

Говоря о роли театральных технологий в популяризации и освоении этнокультурных ценностей якутского народа, мы не можем не сказать об огромной роли режиссера, являющегося главной творческой силой, которая владеет аналитическим, теоретико-практическим и педагогическим аспектами художественного оформления материала, и создает виртуальный мир, органически объединяя различные сферы спектакля.

Вместе с развитием общества развивается и человек. Общественное сознание должно расширяться, наполняться новым, но в то же время собирать и бережно хранить то ценное, что создано предками на протяжении тысячелетий. Театральные технологии являются главными помощниками в продвижении этнокультурных ценностей во времени и в пространстве.

Литература

1. Бродецкий, А.Я. Азбука молчания или топономика. – М., 1997.
2. Вильсон, Г. Психология артистической деятельности. – М., 2001.
3. Гройсман, А.Л. Личность, творчество, регуляция состояний: руководство по театральной и паратеатральной психологии. – М., 1998.
4. Ершов, П.М. Искусство Толкования. В 2 кн. – Дубна, 1997.
5. Ершов, П.М. Технология актерского мастерства. – М., 1992.
6. Станиславский, К.С. Работа актера над собой. – М., 1957.

УДК 392 (98)

В.Г.Дегтярева¹

¹ Арктический государственный институт культуры и искусств, преподаватель

677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Орджоникидзе, 4

СОВРЕМЕННОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО КАК МЕХАНИЗМ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ НАРОДОВ АРКТИКИ

Современная угроза техногенных и экологических катастроф, социально-экономическая нестабильность, непонимание многих общественных проблем, отрыв от природы и подавление индивидуальности ведут к обострению существующих и появлению новых видов страха. Так, исследователь Ю.Ф. Лукин выделяет специфические арктические виды социальных фобий: «Арктика все еще остается для многих людей неизвестной и опасной землей, источником многих фобий. Ее справедливо называют «страной ледяного ужаса». Здесь социальные фобии, вызванные природными явлениями, накладываются на отношения между людьми и коррелируются с вечной проблемой выживания всего человечества, в той или иной степени отражая глобальную проблематику» [3]. Среди них можно отметить, например, криофобию (страх холода), страх войны за природные ресурсы Арктики и т.д.

Северный человек вынужден адаптироваться к современным быстро меняющимся условиям, отходя от привычного образа жизни. При этом включается древний компенсаторный механизм сознания – мифотворчество – для сохранения зыбкой стабильности жизненного уклада и гармонизации своей повседневности.

Мифотворчество – неотъемлемая часть жизнедеятельности людей. Современная его форма активно производится в культуре, которая основана на мифе, пронизана его символами, метафорами, например, в художественном творчестве, искусстве и т.д. В пространстве обыденной культуры оно существует в форме устных повествовательных жанров фольклора: легендах, преданиях, бывальщинах, быличках, байках, «городских легендах».

Мифологическое мышление – инструмент выживания человека, кото-

рый обязывает сопротивляться негативным проявлениям жизни, в том числе страху, конструирует картину мира. Миф является своеобразным хранилищем накопленных коллективных представлений народа, он способствует закреплению однажды возникших правил поведения, законов и заповедей, самоидентификации человека как личности, как представителя этноса.

Среди традиционных ценностей народов Арктики на первом месте стоят гармоничные отношения с природой, весь жизненный цикл человека был связан с энергообменом между человеком и Природой-матерью. Суровый климат, постоянная борьба за выживание, тяжелые условия жизни выработали систему бережных и уважительных взаимоотношений с ней, благодарность за дары в виде соблюдения ритуалов и обрядов, подношений духам стихий, например, духу огня в случае удачного промысла.

Носителями традиционных знаний и мудрости считались, в первую очередь, пожилые люди, старейшины рода. Почтительное отношение к старикам перетекало в культ предков – покровителей и помощников, призванных отгонять враждебные силы от своих потомков, направлять их по жизни в соответствии с законами и заповедями. Нарушение заветов предков обрекало на неизбежное возмездие.

Молодое поколение северян почти ничем не отличается от своих сверстников со всего мира. У молодежи прослеживается в гораздо большей степени, нежели у людей старшего и среднего возраста, стремление к так называемой **«массовой культуре»**, рассчитанной на незамысловатый вкус массового потребителя, где мифы используются для развлечения, утешения, психологической разрядки, снятия стрессового состояния. Эта мифология имеет смысл удовлетворения потребности в социальных иллюзиях, порой подменяя собой действительность, виртуализируя ее. Также часто наблюдается отход молодого поколения от своих корней, языка и культуры, потеря межпоколенной связи, подмена традиционных ценностей ценностями чуждой для северян культуры.

В условиях современных глобализационных процессов наблюдается унификация культуры, наполнение национальных культур господствующими ценностями, что может привести к их исчезновению. В ответ на это, как защитный механизм, возрастает степень самоидентификации людей со своим этносом, которую можно оценить по сохранности языка, традиций и т.д.

Человек не приобретает самоопределение из окружающего мира как нечто предрешенное, он творит самого себя на протяжении жизни. Помочь ему обрести себя, сформировать свой собственный культурный облик и образ могут ценностные ориентиры, коды национальной культуры,

ее наследие, которое, передаваясь из поколения в поколение, делает возможной адекватную самоидентификацию личности в культуре вообще и воспитывает уважение к культурному многообразию.

Созидательная активность человека, как представителя определенной культуры и ее носителя, берет начало в традиционном мироощущении и продолжается в его творениях. В этом мы можем убедиться на примере кино как наиболее мощном средстве трансляции национальных и общечеловеческих ценностей.

В рамках небольшой статьи невозможно охватить все многообразие якутского кино, поэтому остановимся на двух фильмах, на наш взгляд, наиболее ярко отражающих судьбу традиционных ценностей в настоящее время и в будущем. В то же время эти картины являются плодами мифотворчества своих создателей, якутских кинематографистов.

«Белый день» (2013) – фильм молодого якутского режиссера Михаила Лукачевского. Это своего рода философская притча, мистическая история о людях, оказавшихся в экстремальных условиях выживания на зимней дороге из-за неисправного транспорта. Казалось бы, не столь безвыходная и неожиданная ситуация становится роковой, приводя к трагическим событиям. Не будем останавливаться на перипетиях сюжета. Обратим внимание на то, что причиной цепочки несчастий становится один, почти не выделяющийся, момент, когда водитель автомобиля проезжает мимо одинокой старухи на дороге, хотя место в машине нашлось бы и для нее.

С этого момента заявляют о себе мистические силы природы: под колеса внезапно бросается косуля, что приводит к вынужденной остановке. Затем, перед лицом смерти, каждый персонаж демонстрирует свою истинную сущность – это и негодяй-водитель, вовлекший своих пассажиров в трагедию, вносящий хаос и разрушение, не имеющий моральных принципов, и скромный, самоотверженный паренек, проходящий через испытания как через обряд инициации: прошлое его безвозвратно ушло, умерло, и в финале перед нами предстает новый, возродившийся герой, который сохранит и понесет в будущее уроки судьбы. Стихия жестока и мстительна, она наказывает виновника, забирая при этом и невинные жертвы – молодую девушку и семейную пару.

Юный герой на грани жизни и смерти находит спасение и помощь у той самой старухи, которая в итоге оказалась бесплотным духом, олицетворением Природы, так часто пренебрегаемой современными людьми, но все-таки прощающей их. Мистическая сторона фильма имеет и назидательную функцию, и обращается к зрителю, указывая на тот самый путь

предков, который начинает забываться и с которого свернули их потомки.

«2053» (2013) – фильм, влившийся в ряды актуальных во всем мире картин на тему постапокалипсиса, своеобразная антиутопия еще одного молодого якутского режиссера Василия Булатова. Действие происходит в 2053 году в городе (в котором узнаваем Якутск). Это история группы людей, вынужденных выживать в условиях беззакония и полной разрухи после глобальной экологической катастрофы, несогласных с «новым мировым порядком», который хочет построить главарь банды.

Оригинальная идея, впервые воплощенная в якутском кино, снова обнажает человеческие пороки и ставит ряд вопросов перед зрителем. Что ждет нас в будущем? Удручающий мир после катастрофы, борьба за скудные ресурсы, обломки прошлой жизни? Режиссер создал мир возможного будущего человечества в целом и, в частности, якутян. Молодое поколение не знает пути выхода из ситуации, живет надеждой об островке цивилизации где-то там, вдалеке, стремится к спасению.

На помощь к ним приходит старик-охотник, кочующий вместе с внучкой по развалинам. Он является носителем знаний и мудрости, спасает и учит молодежь. При этом носит с собой в качестве оружия архаичный лук со стрелами и в общем-то представляет собой олицетворение ушедшего уклада жизни, в нем угадывается печаль человека, пережившего разрушение своего мира.

Образ старика здесь предстает как образ предка, из глубины веков продолжающего поддерживать и помогать будущим поколениям. Резко контрастируют с ним другие персонажи, их действия. Например, вызывает горькую улыбку реакция одного из парней на обряд алгыса – возмущение.

Главные герои обеих картин – представители молодежи, мечущейся в поисках выхода, запутавшейся в жизни и находящей свое спасение только в обращении к вековым ценностям, традициям своего народа, к гармоничным отношениям с природой, мифологическому мышлению как инструменту выживания. В работах обоих режиссеров подспудно сохраняется надежда на возрождение исконных ценностей, возврат к родным истокам.

Обращение к архетипическим образам в процессе мифотворчества, их трансформация, модернизация или новая интерпретация способствуют сохранению традиции, ее трансляции, что становится немаловажным условием для адаптации и дальнейшего этнокультурного развития в контексте современности.

Литература

1. Кассирер, Э. Опыт о человеке / Э. Кассирер. – М. : Гардарика, 1998. – 784 с.
2. Леви-Строс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс. – М., 1994. – 384 с.
3. Лукин, Ю. Ф. Арктические социальные фобии / Ю. Ф. Лукин // Арктика и Север [Электронный ресурс]. – 2012. – № 5. - Режим доступа: http://narfu.ru/aan/article_index_years.php?ELEMENT_ID=29391. – Дата обращения: 5.12.2014.

СОБЫТИЯ, ПРОЕКТЫ, ГРАНТЫ

УДК 911:114

Д.И.Осипов¹

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, технический секретарь

677000 Россия, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Курсы PhD Университета Арктики по добывающей промышленности в СВФУ (г.Нерюнгри)

Аспиранты СВФУ, МГУ имени М.В. Ломоносова, Финляндии, Канады, США, Японии выступили с докладами о различных аспектах добывающей промышленности в арктической зоне с позиций антропологии, социальной географии, политологии, экономики в рамках семинара «Холодные земли» – ColdLands, проходившего с 9 по 15 ноября в Нерюнгринском техническом институте (филиале) СВФУ.

Аспирант Токийского столичного университета Юка Ойши презентовала результаты этнографического исследования практик природопользования ханты и ненцев. «Я представила план диссертационного исследования и результаты полевых исследований. Семинар позволяет сфокусироваться на определенной научной проблеме, получить ценные рекомендации ведущих специалистов по арктической тематике, и я благодарна СВФУ за трэвел-грант, благодаря которому я приехала в Нерюнгри», – рассказывает аспирантка.

Аспирант, научный сотрудник Хибинской учебно-научной станции географического факультета МГУ Юлия Заика, которая также выиграла трэвел-грант СВФУ, выступила с докладом о проблемах и перспективах развития моногородов Мурманской области.

«Я родилась, училась, живу и работаю в одном из восьми моногородов Мурманской области, поэтому проблемы этих городов имеют для меня особую значимость. Своим исследованием я хотела бы подчеркнуть важность судьбы моногородов и тех людей, которые их населяют, посмотреть на возможные сценарии и пути развития северных моногородов, а также те проблемы, которые непосредственно влияют на качество жизни их населения», – рассказала член исполнительного комитета Международной Ассоциации Молодых Полярных Исследователей (APECS) Юлия Заика.

«Уверена, что проведение такого рода курсов, как Extractive industries PhD Course, на территории России, в тех северных моногородах, которые являются ключевым объектом данной сети, есть необходимый на сегодняшний день элемент образования аспирантов и студентов», – считает молодой ученый.

Студент PhD программы из Университета Рованиеми Хенри Валлен пишет диссертацию по развитию угольной промышленности в Финляндии. «Уже во второй раз участвую в работе тематической сети. Мне повезло, что удалось совместить теоретические дискуссии и посещение предприятий угольной промышленности. Это важно для осознания моей научной проблемы и сравнительного анализа. На первый взгляд, между Рованиеми и Нерюнгри разница большая, но если присмотреться, проблемы Севера во многом схожи».

Тематическая сеть Университета Арктики «Добывающая промышленность Арктики»

Общая цель

Так как большинство нефтегазовых разработок в будущем будут происходить на территории Арктики, связь между циркумполярным севером и остальной частью нашей планеты будет и дальше расти так же, как и влияние общества на промышленное развитие, в особенности на компании, а также на имидж государств и, что значительно, на население, проживающее на территории Арктики. Известно, что экономическая активность и развитие бизнеса играют решающую роль в обеспечении благосостояния и занятости населения на севере. Нефтегазовая и другие добывающие отрасли промышленности могут внести свой вклад в увеличение капитала и обеспечение рабочими местами в Арктике; тем не менее, успешное учреждение данных областей промыш-

ленности подразумевает дальнейшее рассмотрение социального, культурного, экологического и экономического влияния начиная от локального уровня до мирового. А также создание компетентности и набора навыков, необходимых для поддержания промышленности. За последние несколько лет необходимость создания систематических методов для формирования нового исследования (теоретического и практического) в области добывающей промышленности Арктики стала очевидной.

Тем не менее, сотрудничающие учреждения при взаимодействии с Университетом Арктики учредили пан- Арктическую PhD программу в области добывающей промышленности Арктики с целью подготовки высоко квалифицированных исследователей, физически обученных на севере и которые могут внести свой вклад, проведя оригинальное исследование рентабельности развития северной добывающей промышленности. Специалисты, завершившие программу PhD в данной области, могут оказаться полезными для заинтересованных в развитии севера лиц (включая компании, общественные организации, государственные руководители, ассоциации коренных и местных жителей).

Основная деятельность

Программа PhD предлагает студентам возможность побывать в других университетах Арктики, где они могут учиться на курсах дополнительно к существующей программе PhD в сотрудничающих университетах. Эти дополнительные курсы учреждены совместно с сотрудничающими университетами и основаны на особенной компетенции каждого принимающего университета.

Дополнительные курсы способствуют мобильности профессоров и предлагают преподавание в разных университетах так же, как и возможность сотрудничества в рамках новых исследовательских проектов и публикаций в области добывающей промышленности Арктики. В том же духе,

студенты из университетов- участников имеют возможность выбрать из списка дополнительных курсов, предложенного любым арктическим университетом. Эти курсы доступны широкому кругу студентов Университета Арктики, а также студентам PhD вообще.

Создание профессиональной рабочей силы невозможно силами одного университета, и требует тесное сотрудничество между сегментами образования/исследовательской деятельности, частными лицами и правительством. Соответственно, наша цель продолжать работать в тесном сотрудничестве с существующими сетями промышленности, общественных и международных организаций (с вероятностью расширения данной сети). Расширение возможного сотрудничества состоит из: финансирования стипендий PhD, диссертаций, финансирования семинаров и рабочих совещаний (например, <http://www.hcahome.com/> для арктического диалога, который был организован в Нуук, Гренландия, сентябрь 2011), транспортных расходов для проведения исследований и семинаров, а также поиска работы.

Сотрудничающие университеты совместно готовят студентов и в широком смысле в области добывающей промышленности (которая будет основана на теории), и в узких дисциплинах, имеющих отношение к данной области (н-р, антропология, бизнес).

В период обучения студенты встретятся для участия в ежегодных семинарах магистратуры. Регламент включает в себя обязательное участие в различных значительных конференциях сотрудничающих образовательных учреждений, согласованных с руководителем (н-р, Арктический диалог, Международный конгресс ученых социологов Арктики, Зимняя конференция Jokkmokk).

Защита диссертаций и присвоение степеней будут проходить в участвующем учреждении, а также будет выдан диплом университета Ар-

ктики в Добывающей промышленности Арктики.

Партнеры

- Университет Лапландии, Арктический центр (руководитель)
- Мемориальный университет Ньюфаундледа
- Ilisimatusarfik, Университет Гренландии
- Университет Оулу
- Университет Тромсё
- Северо-восточный федеральный университет

Партнеры, не входящие в состав УАрктики:

- Европейский университет, г.Санкт-Петербург.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бурцева Роза Христофоровна,

доцент кафедры хореографии народов Арктики Арктического государственного института культуры и искусств, г. Якутск.

Винокурова Ульяна Алексеевна,

доктор социологических наук, руководитель научно-исследовательского центра циркумполярной цивилизации Арктического государственного института культуры и искусств, г. Якутск.

Гнатюк Галина Анисимовна,

кандидат географических наук, профессор кафедры географии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск.

Дегтярева Виктория Георгиевна,

преподаватель кафедры искусствоведения Арктического государственного института культуры и искусств, г. Якутск.

Замятин Дмитрий Николаевич,

кандидат географических наук, доктор культурологи, главный научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Института Наследия), г. Москва.

Захарова Агафья Еремеевна,

кандидат филологических наук, академик Академии педагогических и социальных наук РФ, научный сотрудник научно-исследовательского центра циркумполярной цивилизации Арктического государственного института культуры и искусств.

Иванова-Унарова Зинаида Ивановна,

профессор, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, профессор кафедры искусствоведения Арктического государственного института культуры и искусств, г. Якутск.

Итегелова Анна Петровна,

аспирант Института естественных наук Северо-Восточного федераль-

ного университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск.

Карасева Галина Ивановна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности Арктического государственного института культуры и искусств, г. Якутск.

Коврова Ольга Даниловна,

старший преподаватель кафедры фольклора и этнокультуры народов Арктики Арктического государственного института культуры и искусств, г. Якутск.

Неустроева Аиза Борисовна,

кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра социальных проблем труда Академии наук Республики Саха (Якутия), г. Якутск.

Осипов Дмитрий Ильич,

технический секретарь редакции журнала «Новый мир Арктики» Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск.

Салгынова Айына Ивановна,

студентка Арктического государственного института культуры и искусств, г. Якутск.

Информационно-научное издание

АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки

Распространяется бесплатно

№ 2(3)

Декабрь

2014

Главный редактор

М.Ю. Присяжный

Учредитель

ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова»

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка *А.Г. Мартиросян*

Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 19.12.2014. Дата выхода 23.12.2014.

Формат 70x100/16. Печать цифровая. Печ. л. 8,06. Уч.-изд. л. 10,07. Тираж 50 экз. Заказ № 322.

Издательский дом Северо-Восточного федерального университета

Адрес типографии: 677891, г. Якутск, ул. Петровского, 5.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-54131 от 17 мая 2013 г.
Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций